

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ЛЕВ

ПУЧКОВ

УРА ОТМЕЦЫ

Лев Н. Пучков

Эра Отмены

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6880693

Пучков, Лев Николаевич. Эра Отмены : Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-72478-9

Аннотация

Грядет Эра Отмены, когда изменятся Законы Вселенной и будет уничтожена наша цивилизация, и лишь тайные Знания из древних Хранилищ помогут человечеству выжить. Тысячелетиями длится война между двумя могущественными организациями: Орденом Равновесия и Элитой, не желающей подчиняться незыблемым Законам Вселенной. В это незаметное для простого обывателя, но жестокое и кровопролитное сражение поневоле оказывается втянут Семен Кузнецов – обычный русский парень, специалист по изготовлению исторического оружия. Он и не догадывается, что от его выбора зависит судьба нашего мира...

Содержание

Преамбула	5
Орден Равновесия	8
Ересь	12
Глава 1	19
Глава 2	52
Глава 3	78
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Лев Пучков

Эра Отмены

© Пучков Л., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

...Фрагмент записи вводного инструктажа неопфита Семёна Кузнецова по школьному курсу общей истории Ордена Равновесия. Инструктаж проводит МНС (младший научный сотрудник) Богдан Найдёнов. Место проведения: учебно-методическая аудитория Убежища Московского подразделения.

Преамбула

Вопреки расхожему стереотипу, Человек вовсе не дебил Вселенной.

Он создан как Носитель Информации и Универсальное Оружие для защиты Галактики в целом и Земли в частности...

Но пока что не догадывается об этом.

Предыдущие цивилизации доходили до пика своего развития и были либо остановлены, либо уничтожены в порядке плановой отбраковки, как только становилось ясно, что они развиваются в опасном для Галактики направлении.

Потоп, Ледник, Великая Засуха, Пандемия, Землетрясение – в едином Организме Вселенной немало способов скорректировать «микрофлору», коль скоро она из потенциально полезной мутирует во вредоносную.

Место выбывших по отбраковке занимали другие цивилизации, которым предстояло пройти свой путь, и так было до последнего времени.

Сейчас Человечество, по примеру своих предшественников, также выходит на этап, когда оно начинает представлять реальную угрозу для Земли, а в ближайшем будущем и для Вселенной.

Но «стирать» нынешнюю цивилизацию и начинать всё с чистого листа некогда: в недалёком будущем ожидаются гло-

бальные катаклизмы, способные уничтожить не только Землю, но и Вселенную.

Поэтому Аннигиляции не будет. Будут изменены Условия и Законы Существования.

Изменены таким образом, чтобы подтолкнуть Человечество на правильный путь и в короткий срок адаптировать Универсальное Оружие под предстоящую задачу и подготовить к Эпической Битве за Галактику.

Грядёт Эра Отмены...

* * *

– А точно Аннигиляции не будет? Откуда, вообще, такие данные?

– Нет, не точно. Это своего рода лотерея. До самого последнего мгновения неизвестно, что будет, Аннигиляция или Отмена.

– А почему тогда...

– Видишь ли, Семён, это курс для самых маленьких детей Ордена. У ребёнка не должно быть чувства обречённости, это очень вредно для формирования детской психики. У ребёнка должен быть оптимизм во взоре и надежда на светлое будущее. Поэтому мы им и говорим, что Аннигиляции не будет. Пусть надеются на лучшее.

– Ничего себе! Вот это ты меня озадачил...

– Да не переживай, не всё так страшно, как кажется. Итак,

продолжаем ликбез...

Орден Равновесия

С древних времён существует Орден Равновесия, который состоит из Региональных Гильдий и функционирует как независимая от Государства тайная организация со структурой военного формирования.

Адепты Ордена – Хранители Истории и Знаний Цивилизации, а также Резерв Человечества (Неприкосновенный Запас) на случай неплановых катаклизмов. В числе прочих, Орден хранит тайные знания в формате «Инструкция по выживанию Человечества при Катастрофах Планетарного Масштаба».

Орден не вмешивается в политические и социальные процессы, у него две основные задачи.

Первая – собирать и систематизировать знания, вести хронологию, пунктуально фиксировать достижения и опасные заблуждения текущей Цивилизации.

Вторая – готовить Стартовую Группу (основу будущей Цивилизации).

Образно говоря, адепты Ордена – это архивные служащие, клерки Коллективного Разума Вселенной и... повивальная бабка следующей Цивилизации.

По Протоколу Исполнителей Ордена, в финальной стадии Заката Цивилизации Региональные Гильдии обязаны собрать воедино все накопленные знания в Общем Хранили-

ще (внутренние названия: «Лабиринт», «Ревизия», «Чистилище»), не связанном с Земным Планом и, как следствие, не подверженном воздействиям Катаклизма, поместить туда Стартовую Группу и покорно ожидать результатов Экзамена.

Надо заметить, что полная Аннигиляция Цивилизации происходит не часто. Основной метод смены Цивилизаций – Отмена (радикальное изменение условий и законов существования).

Однако при смене Условий и Законов неизбежно возникают мощные катаклизмы, уничтожающие не только города, сооружения и конструкции, но и значительную часть представителей Старой Цивилизации.

Если по результатам Экзамена выпадает не Аннигиляция, а Отмена, внешняя Печать с Хранилища будет снята, и адептам Ордена будет позволено помочь остаткам Цивилизации войти в Новую Эру с Новыми Законами и Иным Путём Развития.

В этом случае проводится Ревизия всех накопленных знаний и достижений, опасные и потенциально вредные архивируются и надёжно шифруются, а те, что вписываются в систему Новых Законов, допускаются к использованию.

* * *

– А если будет не Отмена, а Аннигиляция?

– Цивилизация подлежит уничтожению. Будет создана

другая цивилизация с чистого листа.

– Нет, это понятно. Получается, что Цивилизацию уничтожили, а Хранители Знаний этой Цивилизации и Стартовая Группа остались в Лабиринте?

– Верно. Лабиринт – это Общее Хранилище Знаний всех Цивилизаций, когда-либо бывших на Земле. И одновременно это тюрьма Цивилизаций, осуждённых на уничтожение. На каждом уровне этой тюрьмы содержатся упомянутые выше Хранители Истории и Стартовые Группы приговорённых к смерти Цивилизаций.

– «Содержатся»? Они же там давным-давно все вымерли!

– Судя по целому ряду данных, они живы и будут жить вечно.

– Это как?!

– Это просто – они законсервированы в Стазисе Вневременных Планов. Проще говоря, для них не существует времени.

– Ничего не понял! Наверно, образования не хватает... То есть там, в этом Лабиринте, сейчас полно народу?

– Хм... Там всегда «полно народу». Там десятки уровней с Хранителями Знаний Цивилизаций и Стартовыми Группами, законсервированными в Стазисе Вневременных Планов и обладающими достижениями и технологиями, потенциально опасными для Земли и Вселенной.

– То есть, по факту, они преступники?

– Ну, в общем... Эм-м... Скажем так, за добрые дела та-

кие суровые приговоры не выносят. Если Цивилизацию приговорили к смерти, значит, для этого были очень веские основания.

– Интересно... Что же такого надо сотворить, чтобы целую Цивилизацию приговорили к смерти?

– Это риторический вопрос. Мы не знаем, по каким обвинениям были осуждены другие проштрафившиеся Цивилизации. Однако у нашей Цивилизации есть вполне реальная перспектива получить аналогичный приговор.

– За что?!

– За Ересь...

Ересь

В предыдущую Отмену (12 000 лет назад) Иерархи Ордена усомнились в незыблемости Постулатов Равновесия и не выполнили условия Протокола.

Иными словами, впали в Ересь.

История умалчивает о том, что стало основанием для утраты Веры, но Иерархи Ордена отчего-то считали, что грядёт не Отмена, а именно Аннигиляция.

Они не стали запечатываться в Общем Хранилище и покорно ждать результатов Экзамена.

Они укрылись в сооружённых ими земных убежищах, пережили Катаклизм и сохранили множество адептов и Стартовую Группу.

И объявили себя Элитой (Правителями).

Им надоело быть клерками Статистического Отдела и исполнителями воли Коллективного Разума Вселенной. Они хотели править самостоятельно и безраздельно.

И не было им за это кары. И сочли они, что всё сделали верно.

И не проводя Ревизии, основали нынешнюю Цивилизацию.

Но в Новую Эру было множество глобальных катаклизмов, страшных войн и мытарств. Несколько раз случалось так, что Человечество оказывалось на грани исчезновения.

И это посеяло среди адептов сомнения в правильности выбранного Пути.

Часть адептов сочла, что нарушение Протокола было жестокой ошибкой, которая в будущем может повлечь не просто гибель Человечества, но и закат Всех Цивилизаций. И эта часть вернулась в лоно Протокола.

Таким образом, с некоторых пор Орден расколот на две фракции: Элита и собственно Орден Равновесия.

В результате кровопролитной войны между фракциями часть тайных знаний утрачена, оставшиеся части хранятся в Убежищах каждой фракции, или в сторонних Хранилищах, и за ними с обеих сторон идёт непрерывная охота.

И те и другие в курсе, что грядёт Отмена и сопутствующий ей Катаклизм, но ввиду отсутствия ряда данных не могут спрогнозировать, какой именно и что нужно делать, чтобы выжить.

* * *

– И ты думаешь, что нас всех могут покарать за выкрутасы еретиков?

– Могут. А могут и помиловать. Я же говорю, это лотерея.

– И от чего это зависит?

– От многих факторов. Только на один перечень уйдёт масса времени.

– Ясно... То есть получается, что собранные знания Ци-

визации до Лабиринта, который Общее Хранилище, так и не дошли?

– Верно, не дошли.

– И что с ними случилось?

– Это будет чуть позже, тот параграф называется *«Хранилища, Хранители и раскиданные по миру знания предыдущей Цивилизации, не попавшие на Ревизию»*. А следующим параграфом по школьной программе у нас идёт вот что: *«Семья Асуэнто, она же «Первая Династия», она же «Основоположники Ереси», она же «Правители»*». После Первой Династии будет параграф про производные Первой Династии, пардон за каламбур, а именно: *«Селекция, опыты по совершенству людской сущности, Стартовая Группа, Абсолюты, эмбаты, Бесы...»*

– Бесы?

– Да, забегая вперёд, сразу скажу, что Бесы, как это ни оскорбительно звучит, – всего лишь побочный эффект экспериментов семьи Асуэнто по усовершенствованию человека.

– Да ничего оскорбительного. Нормально звучит. Теперь-то они не дружат?

– Теперь – нет. Теперь Бесы и потомки Правителей вдохновенно уничтожают друг друга.

– Слушай... А шустрая семейка какая-то, тебе не кажется? И опыты всякие, и бунт подняли, в смысле, в Ересь прыгнули...

– Ну, так это всё звенья одной цепи. Изначально семья Асуэнтó отвечала за подготовку Стартовой Группы. У них было несколько тысяч лет для совершенствования человеческой сущности. Экспериментировали, в первую очередь, на членах семьи, ребята самоотверженные... Хм... В итоге стали считать себя сверхчеловеками и не захотели больше быть клерками Статистического Отдела Вселенной. Но про это мы уже говорили в параграфе про суть Ереси.

Итак, переходим к параграфу про семью Асуэнтó...

– Ты погоди маленько, давай передохнём, а то у меня голова кругом идёт от всего этого.

– В принципе, на сегодня можем закончить, а потом продолжим в свободное время. Ты и так узнал достаточно для первого раза.

– Хорошо, так и сделаем. А напоследок у меня вопрос... Можно сказать, животрепещущий.

– Слушаю?

– За что вы так ненавидите друг друга?

– Вопрос некорректный.

– В смысле, не можешь ответить?

– Не в том дело. Вопрос неверно сформулирован. Ненависти как таковой между нами нет.

– Да ладно! *«Встретишь, не проходи мимо – убей...»* – и никакой ненависти?!

– Нет, в данном случае «убей» – это не яростный призыв в состоянии аффекта, а вполне конструктивно обоснованный

и мотивированный подход...

– Ой, я тебя прошу, давай без зауми.

– Хорошо, скажем так: ненависть тут ни при чём. Просто у нас радикальные расхождения в идеологии.

– Например?

– Вот образчик идеологии Элиты, цитирую почти дословно: *«Человек – это звучит гордо. Человек самодостаточен, он независим от эфемерных сущностей, именуемых Богами, и не обязан быть слепым исполнителем воли Коллективного Разума Вселенной. Человечество свободно в выборе пути развития. Никто не вправе указывать ему, какой дорогой идти, и уж тем более никто не вправе судить его по делам и заслугам, ставить задачи, проводить Экзамены и Ревизии».*

Проще говоря, их основной императив: Свобода Волеизъявления Человечества.

– А образчик вашей идеологии?

– Изволь. У нас будет короче, проще и конкретнее: *«Элита – еретики и преступники. Из-за них Человечество может быть признано опасным для Вселенной и приговорено к Аннигиляции. Для спасения Человечества нужно во что бы то ни стало соблюдать Протокол. Элита, которая не собирается поступаться своими принципами, подлежит безоговорочному уничтожению.»*

– Да уж, точно – расхождения. Однако *«Человек – это звучит гордо»* – в самом деле звучит... гордо. Я бы даже сказал, их позиция вызывает симпатию.

– Согласен. Если не вдаваться в суть, их постулаты кажутся квинтэссенцией антропоцентризма.

– Как?!

– Эм-м... Слушай, тебе надо немного книги почитать, а то с тобой сложно разговаривать...

– Это с тобой сложно разговаривать! Объясняй по-человечьи, это же вроде школьный курс, нет?

– Хорошо, для иллюстрации отношений Элиты и Ордена я приведу простой пример. Ты в часах разбираешься?

– Ну, я не часовщик, конечно, но как они устроены, знаю. И разбирал часы, и чинил, бывало, так что в курсе.

– Отлично. Представь себе, что из вот этих твоих замечательных часов... выскочила шестерёнка. Что будешь делать?

– Вставлю обратно.

– А если она не хочет?

– Шестерёнка? «Не хочет»?! Ххэ! Ну ты сказанул...

– Да уж, сказанул... Ну представь, не хочет она обратно в часы. У неё, у шестерёнки, видишь ли, появилась Свободная Воля. Она считает себя самодостаточным Механизмом, не хочет посредством своего вращения крутить другие шестерни, не хочет быть зависимой частью часов, в которых каждая деталь связана с другой... а хочет жить так, как ей нравится, вот тут, в укромном уголке.

– Да, я понял, к чему ты клонишь. Ну, я тебе так скажу: я бы такую шестерёнку сразу шарахнул молотком. Но если бы у меня был характер, как у тебя, такой, научно-исследо-

вательский, я бы понаблюдал за ней, в какую сторону она будет жить в этом своём уголке.

– Хорошо, наблюдаешь ты за ней с моим характером... Живёт она тут, как ей нравится, и вдруг ты замечаешь, что начинает эта шестерёнка самоуправствовать в твоей квартире... Например, потихоньку крадёт энергию из розетки, непонятно как и откуда вырабатывает мышьяк или ртуть, которыми могут отравиться твои домашние питомцы или, не дай бог, дети. И в итоге ты с ужасом узнаёшь в один прекрасный день, что эта твоя бывшая шестерёнка, которая теперь Механизм с Волей, открывает газ в твоё отсутствие и тащит к себе в уголок спички...

– Да сразу – молотком! Вдребезги!

– Ну вот, собственно, и всё. Ты постиг суть отношений Ордена и Элиты...

Глава 1

Семён Кузнецов.

Беззаботный ремесленник

– Не отступай! Выше щит, выше!

– Парируй! Да парируй же...

Ратмир движется легко и грациозно, удары его быстры как молния и в то же время фатально тяжелы. Полуторакилограммовый меч в руке опытного воина бьёт так, словно это кузнечный молот.

Просто чудо, что щит Семёна до сих пор не разлетелся вдребезги.

Сейчас понятно, каким это было страшным заблуждением, но две минуты назад Семён искренне полагал, что справится с Ратмиром без особых проблем.

При росте метр восемьдесят Семён весит девяносто кило, с утра до вечера возится с железом, и у него очень сильные руки.

Ратмир весит едва ли шестьдесят, росточком вышел чуть за сто шестьдесят. Одним словом, легковесный маломерок. Семён всерьёз считал, что утопчет его секунд за десять-пятнадцать, с ходу задавит массой.

Господи, каким же надо быть глупцом, чтобы не догадаться, что звание «мастер-мечник» в этом сообществе даётся

вовсе не за красивые глаза и острый язык...

– Париуй!

– Встречай удар! Сбивай, париуй, он же тебе руку сломаёт!

– Леший тебя задери... Этот парень вообще понимает, что такое «париуй»?

Сбивать и парировать уже нет сил.

Щит принимает удары без отдачи, как будто надет на тренировочный манекен. Только вместо бесчувственного дерева под ним живая рука, и с каждым ударом она слабеет.

Семён много раз играл в мастерской с самолично выкованным оружием, имитируя бой. Всё получалось красиво и ловко, сам себе казался опытным воином, причём не простым кметом, а мастером оружия, тонко чувствующим структуру и суть смертоносного металла.

А сейчас всё получается с точностью до наоборот. За две минуты боя Ратмир выбил из него всё дыхание, «отсушил» обе руки и, кажется, напрочь вышиб боевой дух.

Сейчас Семён чувствует себя неуклюжим щенком таксы, по какому-то недоразумению угодившим на арену для тренировки бойцовых псов.

– Убей смерда! Пусть ответит за слова!

– Кузнец, да ты просто уподи на него, он сам умрёт! Тушей задави! Хе-хе...

Душно, влажно, нечем дышать.

Солёный пот щиплет глаза, кровавая пелена застилает

взор. Июньская жара душит кузнеца в липких объятиях, тело под поддёвкой плавится и пылает, как в натопленной бане. Кольчугу, которую собрал собственными руками, похоже, зачаровал какой-то злой маг: она явно имеет склонность к мистической весовой эволюции. Семёну кажется, что сейчас кольчуга весит как минимум три пуда. Экая вредная гадина, сбросить бы её!

Но для этого нужно бросить меч, щит, освободить руки...

Семён держится только на одном упрямстве. Уже понятно, чем всё это кончится, но раз вышел, надо стоять до конца.

– Бей его щитом!

– Толкай его, ты в два раза тяжелее! Щитом, щитом вдарь!

Какой там «вдарь»!

Щит неподъёмно тяжёл, Семён его еле держит. Уже нет сил поднять проклятую деревяшку повыше, если сейчас противник рубанёт в голову, это будет конец схватки.

– Эй, кузнец, а ты знаешь, что мечом можно бить? – Ратмир скалится в ехидной улыбке, дышит ровно, выносливости у него хоть отбавляй. – Или ты думаешь, Герцог тебе его просто подержать дал?

Да, мечом можно бить. Рубить, колоть, резать, парировать, на худой конец, садануть со всей дури тяжёлым навершием рукояти. Меч создан именно для боя, кому, как не кузнецу, об этом знать.

Однако сейчас бить не получается.

Правая рука отсушена первыми же ударами супостата, дай

бог просто удержать в ней меч. Вообще, очень хочется уронить меч на траву и вцепиться в ремни щита обеими руками. Возможно, так будет легче.

Но бросать оружие нельзя, это позор.

Ещё пара ударов, и левая рука не сможет держать щит.

«Тресь!»

Нет, не пара, хватило и одного.

Наверно, это был самый тяжёлый удар за всю схватку.

Щит отлетает в сторону. Не удержав равновесия, Семён падает на колени и уже не пытается встать. Нет сил.

Он хрипит, задыхается, судорожным движением рвёт пропитанный потом ремешок, жёстко сдавливающий горло, и сбрасывает с себя шлем.

– Ну что, кузнец, пора умирать?

На плечо Семёна ложится вражий клинок, иззубренное лезвие касается шеи.

Всё, бой окончен.

Жадно глотая воздух, Семён закрывает глаза и в мельчайших подробностях представляет, как Ратмир вздевает клинок над головой, делает короткий замах, и...

– Ну что, нормально, – Ратмир заботливо протирает клинок бархоткой, прячет в ножны и помогает Семёну подняться. – Для первого раза держался молодцом. Дыхалка, правда, слабенькая, надо бегать побольше.

– Поздравляю, кузнец, – к Семёну подходит Герцог, глава клуба, хлопает по плечу и крепко жмёт онемевшую ла-

донь. — Концепция не подтвердилась, но... Боевое крещение прошёл. Дыхалка, в самом деле, слабенькая, надо тренироваться. Но руки крепкие, тут тебе профессия помогает. Слушай, ты сразу не убегай, у меня к тебе дело есть...

Вслед за Герцогом к Семёну подходят другие члены клуба, произносят слова одобрения, отводят его в сторонку и помогают снять доспех.

Это очень кстати, сейчас Семён не в силах самостоятельно даже пальцем шевельнуть.

Оказав неумёхе помощь, ветераны клуба возвращаются к тренировке — до того, как был объявлен поединок, на этой поляне в обычном порядке упражнялись две дюжины бойцов.

Семён сидит на краю лужайки, привалившись спиной к развесистому дубу, и с наслаждением пьёт простую воду из берестяной фляги Ратмира. Вполуха прислушиваясь к бойкому перезвону мечей на поляне, он блаженно щурится на косматые облака, с черепашьей скоростью ползущие к Столице.

Господи, хорошо-то как... Какое счастье, что это всего лишь тренировка, и на дворе стоит двадцать первый век, а не обожаемое членами клуба Средневековье!

В этом самом Средневековье, да в настоящем бою, Семён был бы изрублен на куски, и сейчас его молодое мясо с удовольствием клевали бы стервятники...

Если следовать исторической достоверности, на которой помешаны члены клуба, Семёна нельзя называть кузнецом. Он, скорее, подмастерье.

Семён трудится в мастерской по изготовлению исторического оружия и доспехов, которая принадлежит его дядьке, брату матери. Дядька – да, это действительно кузнец, и вообще, на все руки мастер, хорошо известный в Столице.

Историческое оружие – это такой стабильный семейный бизнес, Кузнецовы занимаются им с незапамятных времён.

Семён привык к мастерской с детства. Когда погиб отец, мальчишке было тягостно находиться в наполненной горем квартире, затянутой в траурный креп, и с тех пор мастерская стала для него вторым домом.

С клубом «Львиное Сердце» Кузнецовы (это, кстати, и название фирмы – «Кузнецовы», и без всяких «К») сотрудничают с момента его основания, они делают практически всё оружие и доспехи для дружного сообщества поклонников боевых традиций Средневековья, которое возглавляет Герцог.

Сражаться сегодня Семён не собирался. Вообще, это был первый в его жизни тренировочный поединок с живым противником. Баловство с манекенами в мастерской не в счёт.

Помимо своей работы, которая одновременно является

для него хобби, Семён любит кино, пиво, сетевые игры и женщин. Да, именно в такой последовательности. Книг он не читает, даже справочной литературы, так что в жизни двадцатитрёхлетнего оружейника нет места такому ненужному занятию, как постижение книжной премудрости.

Семён считает это пустой тратой времени. Всё, что надо для работы, ему с детства вбил дядька, порой вбил не фигурально, а подзатыльниками и тяжёлой линейкой по заднице и шаловливым ручкам. Непедагогично, конечно, но очень способствует запоминанию и обучению в целом.

Семён иногда выбирается с клубом на тренировку, но вовсе не для отработки боевых навыков, а чтобы развлечься и весело провести время.

Интересно с ними. Можно целый день сидеть, потягивая пивко, и наблюдать, как они тут возятся на полянке, все такие погружённые в свой средневековый мир, облачённые в железо, сработанное руками Семёна и его дядьки, одухотворённые, радостно возбуждённые, преобразившиеся на выходные из заштатных серых обывателей в настоящих бойцов, повелителей смертоносной стали.

Кроме того, в клубе есть девчата, очень даже симпатичные и ладные, и они так ловко и азартно машут мечами, так страстно и самозабвенно орут, что наблюдать за ними одно удовольствие. Это будет лучше любого кино. Кроме того, вид сражающихся женщин очень способствует повышению тонуса, если вы понимаете, о чём речь.

Так вот, Семён – парень весёлый и разбитной, членов клуба давно считает своими, поэтому в разговорах с ними за словами не особенно следит...

И напрасно, как выяснилось сегодня.

Итак, Семён потягивал себе пиво, глазел на тренировку и слушал, о чём болтают Герцог с Палачом. Кстати, понятно, наверное, что это всего лишь клубные псевдонимы, на самом деле никакие они не Герцог с Палачом, а солидные состоявшиеся люди, разменявшие четвёртый десяток и пять дней в неделю сидящие в комфортабельных кабинетах своих офисов.

Ну, да это не суть важно, а главное, что говорили они о разных стилях двух бойцов, работающих в паре прямо перед ними. О «рисунке боя» и о том, что для всестороннего овладения воинским искусством нужно заниматься этим с самого детства и всю жизнь. И заниматься не от случая к случаю, а ежедневно, подолгу и с полной отдачей. При этом они посмеялись над какими-то глупыми клерками, которые ходят к ним на семинары и на полном серьёзе надеются стать мастерами-мечниками за двенадцать оплаченных уроков.

Обычно Семён не лезет в разговоры старших, хотя бы уже лишь по той причине, что слабо разбирается во всех этих боевых нюансах и ему нечего сказать. Но сегодня то ли оружейник расслабился после напряжённой трудовой недели, то ли многовато пива выпил...

– Чтобы постичь суть боя, нужно не махать мечами, а с

детства ковать их. Когда ты делаешь меч с нуля и из простого куска металла создаёшь клинок, ты видишь его суть и понимаешь его душу. Ты лучше любого воина знаешь, на что способен меч, выкованный тобой. И в решающую минуту это будет главным твоим преимуществом.

Одним словом, брякнул, не подумав. И удивительно, как это у него получилась такая философская конструкция, обычно Семён выражается в разы проще, без зауми.

– Как интересно... – Герцог переглянулся с Палачом и лукаво прищурился. – Это сейчас в тебе пиво говорит или мнение давнее и сложившееся?

Вообще, на тренировках сухой закон, пиво они пьют позже, когда собираются вечером в клубе, но на Семёна эти ограничения не распространяются. Он ведь не член клуба, а всего лишь друг всех членов клуба разом.

– Это даже не мнение, а просто уверенность мастера-кузнеца, – гордо заявил Семён и тихонько икнул в ладошку – пива было не то чтобы многовато, а просто душно сегодня, разморило слегка. – Это... Это... А! Это концепция, вот.

– Замечательно. – Герцог вынул из ножен меч и протянул его Семёну рукоятью вперёд. – Палач, разоблачайся, дай мастеру-кузнецу доспех.

– Хм-м... А свой дать не хочешь?

– Я бы дал, да он в нём утонет. Так что разоблачайся, вы с ним примерно одной комплекции, нормально будет.

– А зачем всё это? – удивился Семён, принимая меч.

– Проверим твою концепцию на практике.

Отпираться и отнекиваться было стыдно и неловко, пришлось облачиться в доспех и выйти на поле.

Ну вот, собственно, и вся подоплёка. А дальше был бой.

* * *

Дело у Герцога было известно какое: в свободное от работы время повозиться с очередной железякой.

Герцог в курсе всех заказов мастерской, поскольку большую часть из них представляет сам лично либо от имени клуба, и знает, что Семён и его дядька загружены работой как минимум на пару лет вперёд. Поэтому, когда Герцог с заговорщицким видом подмигивает – «у меня к тебе дело», это на сто процентов будет сверхурочная работа за хорошие деньги.

Так вышло и на этот раз.

– Смотри, какой красавец...

Сказано это было не просто с придыханием, а натурально с благоговейным трепетом. Да, вся двухметровая фигура Герцога, все его двести шестьдесят фунтов тренированного мяса в этот момент трепетали и колыхались от неподдельного восторга. Это было ещё то зрелище, слабонервным лучше не смотреть.

– Да-а-а, вот это вещь, – подыграл Семён, принимая из

рук Герцога безжалостно траченный временем фламберг¹ с рассыпавшейся в прах рукоятью и раздробленной гардой, но с вполне внятным толедским клеймом. — Семнадцатый?

— Шестнадцатый! — с гордостью приосанился Герцог. — А?

— Хорош, — подтвердил Семён, проводя пальцем по зазубренному волнистому лезвию и взвешивая меч в руках. — Вот это раритет...

Семён не испытывал особого пиетета к реальным историческим клинкам, сохранившимся до наших времён. Он был уверен, что аутентичные копии, изготавливаемые в их мастерской, по всем параметрам лучше подлинников, которые какими-то неисповедимыми путями иногда попадают в руки Герцога и других ветеранов клуба, знакомых со многими антикварами обеих столиц. Это ведь просто мания какая-то, сродни загадочной болезни. Они с этими старыми железяками носятся, как дурень с писаной торбой, с гордостью демонстрируя их на закрытых ассамблеях и турнирах в клубе, куда собираются такие же двинутые на антикварном оружии гости, и могут днями напролёт обсуждать достоинства очередного раритета, до хрипоты спорить и о происхождении той или иной зазубрины на лезвии, и об «абсолютно достоверных» деталях невероятной истории каждого такого клинка.

Одним словом, весь этот пиетет казался Семёну надуманным. Любой тренировочный клинок из мастерской Кузнецовых вдребезги разнесёт подлинник, с которого он был ско-

¹ Здесь: двуручный меч с волнистым лезвием.

пирован – если дать их в руки двум равным бойцам и выгнать на поляну.

Единственное, за что можно было уважать старые клинки, – это реальное боевое оружие, побывавшее в сражениях и, вполне возможно, испившее крови не одной жертвы.

– Так... Делаем «старый добрый меч»?

– Да. Не надо выгонять до блеска, пусть будет «старый, но вполне рабочий клинок, хорошо сохранившийся в термостате средневековой крипты». Рукоять на твой вкус, в прошлый раз получилось отлично – но чтобы тоже, «очень старая, но ещё годная».

– Хорошо, сделаем. Историю уже сочинил?

– Слушай, ну ты меня в краску вгоняешь... Есть у него история! Причём подлинная!

– Да верю, верю. Когда надо?

– К среде – кровь из носу. В среду фестиваль будет... Ну, сам понимаешь...

– Ну, если «кровь из носу»...

– Да-да, обязательно, за срочность добавлю, ты же меня знаешь.

– Хорошо, сделаем. Только смотри: клинок ни разу не тренировочный, на выходе это будет стопроцентный «холодняк», даже с нашим фирменным историческим сертификатом.

– Пфф, напугал! – Герцог презрительно скривился. – А что, у нас в клубе на стенах не «холодняк»?

– Нет, я просто предупредил, чтобы не было потом вопросов.

– Вопросов не будет. Тебе охрану выделить?

– Шутишь? Чехол – багажник – никаких проблем.

– Ну смотри, тебе виднее. Постарайся аккуратнее, клинок в самом деле ценный.

– Постараюсь. Ну всё, во вторник вечером я тебе позво-
ню...

* * *

Семён плёлся на своём «Фольксвагене» со скоростью 10–15 км в час по Ленинградскому шоссе в сторону столицы, слушал «Дорожное Радио» и негромко мурлыкал, подпевая вполне актуальному *«... что наша жизнь – шоссе, шоссе дли-
ною в жизнь...»*.

Нет, Семён не является сторонником формата «тише едешь – дальше будешь» и любит на досуге погонять с ветерком, но сейчас ехать быстрее не получалось при всём желании.

Спереди и сзади, насколько хватал глаз, неразрывной змеёй ползла гигантская пробка, вяло переливаясь на изгибах шоссе разноцветными чешуйками-машинами.

Было совершенно ясно, что в ближайшие два-три часа спастись из этой пробки не удастся, и все планы на субботний вечер, скорее всего, накрылись одним прелестным

местом. Прибавим к этому немалую физическую усталость, неработающий кондиционер в машине на фоне удушливой жары и закономерной шоссейной вони, свободно врывающейся в салон через открытые окна, и в результате имеем все поводы для падения настроения до нулевой отметки.

И тем не менее, у Семёна было прекрасное настроение.

Это был первый поединок в его жизни. Пусть тренировочный и насквозь проигрышный, но... Было такое чувство, как будто приобщился к великой тайне, познал и ощутил на своей шкуре Сущность Боя.

Честно говоря, Семён давно хотел этого, но всё время робел и не решался. В клубе царили простые и подчас жестокие отношения, ветераны придерживались выработанной иерархии и безжалостно подтрунивали над ошибками даже признанных мастеров, так что можно себе представить, как была бы воспринята попытка подмастерья (читай – обслуги) выйти на поле наравне с «воином».

Хм... Оказывается, нормально была воспринята. Всего-то нужно было – принять побольше пива и сморозить глупость в присутствии Герцога. В итоге всё получилось легко и непринуждённо, как будто так и задумывалось.

Теперь Семён понимал, почему члены клуба так стремятся собраться вместе на выходные, побыстрее облачиться в доспех и выйти с мечами на поляну.

Это не просто «костюмированная тренировка».

Это своего рода побег от обыденной жизни в суровый ска-

зочный мир, живущий по законам Силы и Чести. Когда простой бухгалтер в конце недели на несколько часов преобразуется в Воина, это не проходит бесследно после того, как доспехи и оружие упакованы в багажник и все разъезжаются по домам.

Это волшебное чувство долго живёт в человеке, греет душу и позволяет ощущать себя не просто заурядным клерком, винтиком Системы, а именно Воином, самостоятельно вершащим свою Судьбу и способным на поступки.

Вот такие, примерно, чувства были у Семёна.

Сформулировать их грамотно он не мог и даже не пытался, но, несмотря на боль и ломоту во всём теле после жестокой трёпки на поляне, ощущал небывалый душевный подъём.

Жизнь прекрасна!

Что там пробка, бензиновая вонь, жара, усталость – это такие мелочи, что даже и говорить о них не стоит.

Чтобы понять подлинную ценность Жизни, нужно упасть обессиленным на траву ристалища и ощутить, как к твоей незащитной шее прикасается иззубренное лезвие вражьего клинка.

Это очень жизнеутверждающее и мотивирующее ощущение. Когда вспоминаешь об этом, всё прочее кажется мелочным и несущественным, и хочется жить и радоваться жизни. – А вот в следующий раз мы ему обязательно навалием... Да-да, ещё хочется всё бросить и двадцать четыре часа в

сутки тренироваться, чтобы в следующий раз подарить это незабываемое чувство побившему тебя сопернику.

* * *

Пробка в очередной раз встала.

Песня внезапно оборвалась на полуслове, в динамиках слышался треск и странные голоса.

Голоса были расплывающиеся и тревожные, как будто кто-то надрывно просил о помощи, а солнечный ветер гонял эти крики по бескрайним просторам эфира, обрывая и растягивая окончания фраз.

Семён покрутил верньер настройки.

На всех частотах было то же самое: треск и многоголосое тревожное эхо.

– Что за чертовщина...

Некоторые соседи по пробке выходили из машин и смотрели вдаль, по ходу движения, кто-то не в меру любопытный даже забрался на капот.

Семён заглушил мотор и тоже вышел поглазеть, что же там такое интересное.

Как оказалось, ничего особенного, обычная дорожная драка. Мотив остался за кадром, ратоборцев было немного, двое возились, трое их растаскивали, и к ним меж машин неспешно дефилировали двое полицейских из экипажа застрявшего тут же поблизости патруля, на ходу взывая к граж-

данскому сознанию дерущихся.

– Эй, прекратите, полиция уже здесь! Прекратите, а то сейчас всех заберём!

Парень на капоте, снимавший драку на мобильный, чертыхнулся и стал зачем-то трясти свой телефон, постукивая по нему ладонью.

Семён заметил, что некоторые люди поблизости повторяют эти же странные движения, и, повинуясь стадному чувству, достал свой мобильный.

Телефон не работал.

То есть не просто «не видел» сеть или «симку», а вёл себя так, словно его выключили.

Семён попробовал жать на клавишу – безуспешно, чёрный экран издевательски отражал перекошенное гримасой недоумения лицо хозяина и категорически не желал светиться.

– Что за чертовщина... – снова пробормотал Семён и удивился, насколько громко и отчётливо прозвучали его слова.

В обозримой видимости, или, вернее, на дистанции восприятия звука не работал ни один двигатель.

То есть нет, не было такого, чтобы все, кто застрял в пробке, благоразумно заглушили моторы – буквально несколько секунд назад над шоссе стоял разноголосый гул множества двигателей...

А сейчас все двигатели разом, как по команде, стихли.

– Господи, да что же это такое... – всхлипнул совсем ря-

дом женский голос.

Слышны были возгласы недоумения, хлопанье дверьми, чей-то плач и истерический хохот вдали – но ни одни двигатель не работал!

– Люди, это конец!!! – дурным голосом заорал кто-то в полусотне метров позади Семёна. – Конец света!!! Смотрите, какие тучи!!! Сейчас будет потоп!!!

И, казалось бы, вольно же какому-то сумасброду пугать людей и орать всякие глупости...

Но все вокруг, как замороженные, уставились на грозовой фронт, нависший над столицей, и замерли, притихли, прекратили двигаться...

До сего момента Семён не обращал на это внимания, а сейчас подумал, что тучи в самом деле какие-то странные.

Когда отъезжал от ристалища, да и на дальних подступах к столице, наблюдались разрывы в облаках, кое-где даже проглядывало солнце...

А сейчас над городом и над пробкой висела огромная тёмно-серая туча, без конца и края, причём висела так низко и казалась такой тяжёлой, грузной, переполненной влагой, что невольно возникала мысль: а вдруг сейчас где-то там наверху что-то прорвёт и кэ-э-эк хлынет...

У Семёна вдруг нехорошо сжалось сердце, и на душе стало так тоскливо и тягостно, что немедленно захотелось рыдаться.

Странное чувство, подспудное и необоримое, абсолютно

не поддающееся волевому контролю. Ничего подобного ранее Семён не испытывал.

– Грядёт потоп!!! – тишину прервал всё тот же дурной голос. – Никто не спасётся!!!

Где-то рядом заплакал ребёнок, и тотчас же отозвался возмущённый женский голос:

– Заткнись, идиот! Ты мне ребёнка пугаешь!

– Выживших не будет!!! Это кара за грехи наши!!!

– Ах ты ж, тварь такая...

Позади, между рядов машин возникла молодая женщина с битой, легконогой ланью метнулась к белому «Лексусу» и с маху саданула по лобовому стеклу.

И тотчас же загомонили люди, засуетились, задвигались, кто-то побежал к «Лексусу».

– Уберите эту дуру, или я пристрелю её! – заорал голос, предвещавший потоп. – Уберите, а то...

– Да я тебя сам пристрелю, отморозок! А ну, брось ствол, а то жахну!!!

Рядом с женщиной, яростно разносящей стёкла машины «прорицателя», возник бородатый дед с двустволкой, набежали ещё несколько человек, из «Лексуса» выскочили трое, и началась нешуточная свалка, куда там предыдущей драчке впереди.

Экипаж застрявшего патруля стал вальяжно перемещаться в сторону новой драки. Выстрелов почему-то не было: то ли дед проявил благоразумие, то ли просто осечка вышла,

но от «Лексуса» раздавались только звуки ударов на фоне азартного хеканья и гиканья.

– Мочи! Мочи козлофф!!!

– А-а-а-ааа!!! Ненавижу!!!

Вокруг кричали люди, кто по делу, а кто просто эмоции выпускал – и вся эта суета отвлекла Семёна от страшной «потопной» тучи, сердце отпустило, и неуправляемая тоска потихоньку поползла из души прочь.

– А что-то я какой-то нервный, – Семён сел в салон, поправил под сиденьем монтировку, чтобы удобнее было выхватить в случае надобности. – Перенапрягся, что ли?

Тут очень кстати в кармане булькнул оживший мобильник, повсеместно стали заводиться двигатели, и воскресшее радио в машине вдарило какой-то совершенно дикий рок-н-ролл.

Семён завёл двигатель и крутанул верньер, возвращая на место уютную частоту «Дорожного Радио».

– Привидится же такое. – Туча больше не казалась Семёну предвестником Апокалипсиса – обычный грозовой фронт, не более того. – Что-то дураков развелось в последнее время... Кащенко, что ли, прикрыли?

* * *

Аномальная пробка, в которой глохли двигатели и не работали телефоны, доставила Семёну немало неприятностей.

Вместо прогнозируемых двух часов, которых вполне хватало для срыва большей части субботних планов, он опоздал аж на четыре и в результате получил по телефону нагоняй сразу от трёх женщин.

От мамы, которая не дождалась, чтобы сынуля отвёз её на дачу.

От тётки, которой пришлось «раскочегаривать свою бурбухайку и забирать твою ленивую мамашу!».

И от подружки, которая, не дождавшись бойфренда, отправилась на день рождения другой подружки в гордом одиночестве.

Подружка, кстати, не ограничилась парой тёплых слов и закатила скандал, по сравнению с которым выступление бесноватого прорицателя в пробке было просто весёлыми куплетами про ёлочку на детском новогоднем утреннике.

В общем, к тому моменту, когда впереди показались очертания родных гаражей, Семён уже получил от всех женщин оптом, похоронил все планы на выходные и был голодный и злой. Но злой не той чёрной злобой, что точит сердце и рвёт душу, а весёлой боевой злостью, которую вбил в него своими ловкими ударами зубоскал Ратмир на заветной поляне.

– Ну так, может, оно и к лучшему? – усмехнулся Семён. – Зато отдохну как следует.

В самом деле, выходные без женщин – это даже что-то новое.

Закупиться пивом, накачать фильмов, смотреть до одури,

затем до четырёх утра гонять по сети в «танчики». А потом выспаться вволю, завтра с полудня запереться в мастерской и спокойно реставрировать меч Герцога...

Пока открывал ворота, зацепился на пару слов с друзьями соседа по гаражам.

Вы не поверите, но не все граждане хранят в гаражах машины. Некоторые там квасят (предаются возлияниям), причём регулярно.

Гости соседа, уже хорошо гружённые, невозбранно пускали струи на гараж Семёна, на замечания реагировали блудливыми ухмылками и, кажется, не совсем понимали, что совершают нехороший поступок.

До драки дело не дошло, сосед был ещё вменяемый, так что решили вопрос мирно: прозвучала торжественная клятва всё отмыть и больше так не делать.

Семён забрал меч с собой – не стоит оставлять в багажнике такой раритет, запер двери и вдоль линии гаражей направился к гастроному, что располагался в сотне метров от родного дома.

Отойдя от гаража на десяток шагов, Семён вспомнил: – Ё-моё... Надо было по дороге заехать, пива купить...

А то с фламбергом за пивом – как минимум экзотично. С другой стороны, меч же в чехле, пойдёшь разбери, что это за штукавина.

Через минуту Семён добрался до переулка, или, если хотите, до поворота ко второй линии гаражей, и на несколько мгновений остановился, решая дилемму.

Метрах в двадцати за переулком стояла странная компания.

Вернее, стояли четверо, обступив кружком пятого, а этот пятый сидел на корточках, схватившись за голову, надсадно стонал и раскачивался из стороны в сторону, словно волшебным образом замедленный раз в пять-семь ванька-встанька.

Четверо были одеты как на банкет – в чёрных отутюженных брюках, модельных туфлях и в белых шёлковых рубашках с длинным рукавом.

Пятый, по сравнению с ними, выглядел натуральным босяком – он был облачён в шорты, застиранную футболку и шлёпанцы.

Четверо, обступившие босяка, застыли в излюбленной позе Адика Шикльгрубера (сцепленные ладони на гульфике), скорбно уронив подбородки на грудь и прикрыв глаза.

Да, создавалось такое впечатление, что у них одна на всех коллективная скорбь, и сейчас они активно делятся этой скорбью с босяком, концентрированно излучая её прямо в его кудрявую рыжую голову.

До того концентрированно, что все четверо застыли как

изваяния, а спины напрягли так, словно боятся обос... сс... с...

Ой, ну нехорошо же вот так – в такой ответственный момент, да про этиких аристократов, верно?

В общем, Семёну показалось, что спины у них напряжены именно по этой причине, но мы скажем: как будто пытались разорвать мощную цепь двойнойковки.

Да, так будет эпичнее и как раз по профилю Семёна.

«Рыжий, что – наркоман? Почему тогда не хватают под белы ручки, да не тащат куда следует? Может, сын какого-то крутого хозяина жизни?»

Если так, то лучше от греха подальше свернуть в переулок, а на следующем проезде опять вернуться на первую линию.

Пока Семён соображал, из-за поворота вышла девица.

Симпатичная, стройная, в ситцевом платице и простеньких босоножках. Зеленоглазая, черноволосая – ну так ведь не факт, что это её естественный колер, сейчас многие красятся кому как в голову взбрѣдет.

Ну, и не совсем, чтобы уж прямо «ах» – не упал наш рыцарь, сражѣнный стрелой Амура. В общем, просто пригожая дивчина, каких в столице немало. Подружка Семёна, пожалуй, посимпатичнее будет.

– Здрассьте...

– Смотри на меня, – приказала девица, призывно потрянув наручными часами.

Часы, на взгляд Семёна, не совсем подходили для хрупкой девушки. Это был массивный хронометр в платиновой оправе, инкрустированный изумрудами в тон с цветом глаз хозяйки.

Семён почему-то подумал, что камни, скорее всего, настоящие. А если так, то такой хронометр должен стоить огромных денег.

– С удовольствием!

Семён уставился на девицу и вдруг заметил, что взор его застилает лёгкий розовый туман с пузырьками, наподобие ароматной пены в ванной. В то же время возникло чувство, как будто бы мягкая мохнатая лапа залезла прямо в череп и легонько сжала мозг.

Ох ты, чудеса-то какие... Видать, мелкий злодей Ратмир не только по щиту бил, а и по шлему настучал-таки неслабо, досталось головушке...

И тут вдруг понял кузнец, что девица эта прекраснее всех на свете, и напрасно он сравнил её со своей заурядной подружкой, поскольку перед ним Само Совершенство и Женщина Его Мечты...

С которой надо во что бы то ни стало познакомиться.

– Ступай прямо, смерд, – распорядилась девица царственным тоном, словно привыкла по жизни повелевать и знать не знала, что такое послушание. – Налево не гляди.

– Да, миледи! – верноподданнически рявкнул Семён, сворачивая в переулок.

«Смерд» – это уже хорошо.

Это почти на сто процентов какой-то исторический клуб. Герцог и его подданные, будучи погружены в отыгрыш ролей, примерно с такими же интонациями называют смердами всех, кто не относится к «воинскому сословию», в том числе и Семёна. Надо запомнить номерок машины, и потом через Герцога можно будет познакомиться...

Так, а вот и машина за углом. Сначала «Мазда» – слева, мотором к первой линии, за ней, метрах в пяти, роскошный белый «Кайен» с включённым двигателем и распахнутыми дверьми, «лицом», опять же, к первой линии гаражей...

Между машинами лежали двое, в кроссовках, спортивных штанах и футболках.

Каких-либо следов повреждений на них Семён не заметил, но им явно было нехорошо.

Глаза закрыты, у обоих изо рта идёт пена, а лица побагровели так, что приобрели оттенок сырого мяса, как бывает при страшном внутричерепном давлении.

– Эка их скрутило, – посочувствовал Семён.

Пока что складывалось такое впечатление, что трое «наркомов» откуда-то удрали на «Мазде», а эти аристократы преследовали их на «Кайене» и в итоге зажали в переулке.

Версия, в принципе, хоть куда, но...

Что удивляло и настораживало: Семён ни разу не слышал про врача-нарколога на «Кайене». Чтобы купить такую машину, всему диспансеру придётся вкалывать без выходных

лет десять.

Очень, очень странная компания...

Один из лежавших между машинами с трудом разжал веки и посмотрел на кузнеца. Семён поймал его взгляд и невольно вздрогнул.

Доводилось ему видеть наркоманов и в школе, и во дворе, да и в разных клубах, куда его порой вытаскивали подружки.

Так вот, у этого парня, судя по телосложению – прекрасного спортсмена, взгляд был совершенно осмысленный и ни разу ничем не затуманенный. Взгляд его был переполнен болью и ужасом... и явно просил о помощи.

Точнее всего, состояние этого взгляда можно передать так: как будто человека замуровали заживо в бетонную стену и оставили снаружи только глаза.

Ну, по крайней мере, так Семёну показалось.

Взгляд парализованного атлета звал его и в полной тишине кричал оглушительным молчанием: «Помоги мне! Я не могу двигаться! Я задыхаюсь! Я умираю...»

– Хренассе... – удивился Семён, обращившись к девице, которая так и стояла у выхода из переуллка, наблюдая за ним. – Это что с ними такое?!

– Вот же упрямый скот... – В голосе девицы слышалось неподдельное удивление, как будто она всерьёз полагала, что Семён должен был беспрекословно выполнить её команду – идти прямо и не смотреть налево (ага, разбежался!). – Это я схалтурила или у тебя такое Соппротивление?

– Да при чём здесь «сопротивление»? Вы врачи или где? Парню реально хреново, может, «Скорую» вызвать?

Тут девица сделала шаг к Семёну и мощно, наотмашь, ударила.

Нет, на самом деле она не делала ничего такого, что можно было увидеть простым глазом, только упёрла руки в бока, чуть подалась вперёд, словно бы преодолевая сильный ветер, и, склонив голову набок, грозно глянула на Семёна – как зелёной вспышкой полоснула.

Семёна окатило невидимой горячей волной, которая едва не сшибла его с ног и намертво затопила разум.

У кузнеца мгновенно подскочило давление, перед глазами возникла красная пелена, кровь загустела и сделалась вязкой, – а в каждое ухо словно бы воткнули по боевому барабану, в которые тут же ударили колотушки Духов Войны, взметнувшиеся из пробуждённого движением невидимой волны Злой Сути:

«Убей!»

«Убей!!»

«УБЕЙ!!!»

Девица тотчас же перестала быть Женщиной Его Мечты и стала Смертельно Опасной Тварью, укутанной в пелену расплывающегося красного тумана.

Из груди Семёна вырвался нечеловеческий вопль, переполненный дикой яростью. Одним движением разодрав надвое прочный чехол, он вздел над головой меч и бросился

к девице.

Девушка с цирковой ловкостью ушла перекатом вправо, запрыгнула на крышу «Мазды» и отчаянно крикнула:

– Ко мне!!!

Семён прыгнул, пытаясь достать девушку мечом, но она немыслимым кульбитом переметнулась на крышу «Кайена», оттуда на крышу гаража и воззвала к влетевшему в переулок квартету аристократов:

– Убейте его! По-людски!

Затем вздела руки к лицу и ещё к кому-то воззвала, то ли к какому-то своему Божеству, то ли к Демонам:

– «Омега», бегом ко мне! Меня тут убивают!!!

Четверо мгновенно разобрались в шеренгу и приняли Ту Самую Позу, сцепив руки на гольфиках и уронив подбородки на грудь.

– По-людски, болваны, по-людски! У него Иммунитет!

– Что у него? – прозвучал полный недоумения вопрос.

Это трёхсекундное замешательство решило исход боя.

Зверь, клокотавший в Семёне, выпустил из поля зрения девушку и сконцентрировался на тех, кто был поближе.

На квартете аристократов.

Семён метнулся к ним, стремительно сокращая дистанцию, и занёс меч для рубящего удара. Четверо быстро раздались в стороны, обступая Семёна, чтобы зайти с разных сторон.

Семён, однако, не дал им завершить манёвр – бросившись

вперёд, он страшно рубанул наискось первого, кто подвернулся под руку, не дослушав отчаянного вопля, прыгнул ко второму, пронзая его насквозь, и тотчас же выдрал обратно волнистое лезвие, оставившее в теле страшную рану.

– А-а-а-ааа!!! Помогите!!!

Подскочив к двоим, не успевшим разбежаться, Семён одним круговым ударом сбил их наземь и принялся яростно кромсать мечом, испуская при этом дьявольское рычание.

– А-ааа! Господи, он мне руку отрубл...бл...хрррр...

Ужасные крики, разлетающиеся куски мяса, кровь, брызжащая во все стороны, – и в завершение – визг удирающего «Кайена».

Девушка под шумок спрыгнула с крыши, забралась в салон и, с пробуксовкой сдав назад, рванула прочь по второй линии.

Семён бросился за ней, но не догнал. Машина оказалась быстрее Зверя. Проводив «Кайен» расплывающимся в красном тумане взглядом, Семён бегом вернулся в переулок.

Трое врагов были мертвы, четвёртый агонизировал. Зажимая руками страшную рану в боку, он тихонько булькал кровью и на глазах угасал. Взгляд его, обращённый к Семёну, был преисполнен благоговейным ужасом.

– Бес-с... Ты... Бес-ссс...

Без сожаления добив его колющим ударом в сердце, Семён прыгнул к двоим атлетам, лежащим между машинами, занёс меч и на мгновение замер, слушая рокот барабанов,

выстукивающих рисунок боя.

Там-та-та-та-тамм... Тамм-та-та-та-тамм...

Нет, эти двое не выпускали флюиды опасности, не было в них вражьей сути.

Семён выскочил на первую линию и подбежал к рыжему парню в шлёпанцах, который успел немного прийти в себя и теперь стоял, привалившись к гаражу и держась за голову.

– Я... свой... Не надо...

Семён и сам уже понял, что рыжий не враг, не веяло от него опасностью.

И как только стало ясно, что врагов поблизости нет, переполнявшая кузнеца боевая ярость мгновенно улетучилась вся без остатка, с глаз спала красная пелена, и надсадный рокот барабанов куда-то исчез.

Семён стоял напротив рыжего, тяжело дыша и заморожённо глядя на окровавленный меч.

С лезвия на землю стекали крупные тёмные капли.

В голове Семёна было пусто, как в выжженной пустыне, из всех мыслей осталась только одна, назойливо бившая в виски поминальным набатом:

«Убил...»

«Убил?»

«Убил!!!»

– Господи... – Семён выронил меч, упал на колени перед рыжим и, спрятав лицо в ладонях, взрыднул. – Я убил людей!

Увы, не было отпущено ему счастливого забвения, как это

показывают в фильмах и книгах, когда герой на краткое время перевоплощается в оборотня или берсеркера, а потом не помнит, что творил...

Семён помнил всё до мельчайших подробностей. Девиза, розовый туман вожеления, потом «удар» – и ощущение внутри себя неконтролируемой чуждой Сущности, рвущейся наружу в яростном боевом экстазе и помечающей врагов плотной оболочкой тёмно-красного оттенка.

Болезненно морщась и держась за голову, рыжий парень обогнул Семёна, заглянул в переулок и без особых эмоций подтвердил:

– Четверых эмпатов уложил... Силён!

Семён продолжал всхлипывать.

Рыжий подошёл к нему и вlepил две сочные оплеухи.

– Ты... Ты меня бьёшь? – удивился Семён сквозь слёзы.

– Приди в себя, – буркнул рыжий. – Нужно срочно убираться отсюда.

Семён смахнул слёзы, встал и с сомнением посмотрел на окровавленный меч.

– Возьми, – проследив за его взглядом, скомандовал рыжий. – Это оружие надо исследовать.

– Это, наверно, теперь улика... Надо бы в милицию... В смысле, в полицию...

– Если ты страдаешь, то не стоит. – Рыжий кивнул на изрубленные тела. – Это очень опасные твари.

– Не понял... Это не люди, что ли?!

– Люди. Но... Никакой милиции. Никакой полиции. Никаких улик! Нам надо немедленно уходить. Она сейчас вызовет подмогу и явится за нами. Забирай оружие и помоги мне...

О ком шла речь, Семён не спрашивал, и так всё было понятно. Непонятно, почему рыжий не желал связываться с полицией, но сейчас было не до расспросов.

Семён подобрал меч, наскоро обтёр его разорванным чехлом, замотал как получилось и передал рыжему.

Рыжий уложил меч в багажник, затем они с Семёном стали грузить парализованных атлетов в «Мазду». При этом рыжий торопился так, словно в любой момент сюда мог примчаться сам Сатана, и его тревога быстро передалась Семёну.

– Поведёшь? – Рыжий пошарил под педалями и достал упавшие ключи. – Я плохой шофёр, да и... не отошёл ещё, плаваю.

– Поведу. – Семён забрал ключи и сел на водительское место. – Куда вас отвезти?

– Не нас, не нас... – скороговоркой пробормотал рыжий, ныряя в салон и опасно озираясь. – Ты и я – понятно? Мы вместе. Нам нужно как можно быстрее добраться до порталной камеры.

– До...

– Всё расскажу потом. Поехали, я покажу дорогу...

Глава 2

Элизабет Крузенштерн. Сто двадцать первое поколение Ереси

Выскочив за территорию гаражей, Лиза разогналась до максимальной скорости, которую позволял «Кайен», и мчалась не разбирая дороги, пока не вылетела на проспект. Здесь было интенсивное движение, так что «Кайен» с ходу вклинился в крайний ряд машин, с душераздирающим скрежетом и хрустом тараня по касательной всех, кто попался под руку, или, что вернее, под бампер.

Однако необузданное кайенское буйство было недолгим. Спустя несколько секунд белый красавец, основательно сбросивший скорость и лишившийся правого крыла, бампера и обеих правых дверей, финишировал у кормы панелевоза, крепко впечатавшись двигателем в бетонную плиту.

Вопрос противостояния: «крутизна-VS-законы физики» закономерно решился в пользу законов физики.

- Проклятые мажоры! Смотрите, что творят!
- Что ты сделала с моей машиной, хабалка!!!
- Держите её, держите, а то удерёт!!!
- Да чтоб вы все сдохли, кровососы...

Освободившись от подушек, Лиза высадила ногами заклинившую дверь и, прихрамывая, бросилась в первый по-

павшийся двор.

Нет, возмущённые вопли пострадавших автовладельцев её волновали меньше всего — она удидала от другой опасности. Ещё с минуту Лиза бежала сквозь дворы, в ужасе оглядываясь... Пока не поняла, наконец, что всё позади и сумасшедший смерд с мечом более не преследует её.

В небольшом безлюдном сквере Лиза рухнула на пустую скамейку и некоторое время сидела в полной неподвижности, спрятав лицо в ладонях и ежесекундно вздрагивая. Впервые в жизни она испытала панику в первозданном естественном виде, а не на тренировках психотехник.

Боязнь Смерти и стремление избегать её — это естественное свойство любого живого организма, без которого существование вида и отдельной особи невозможно в принципе. Но это свойство можно и нужно жёстко контролировать. В противном случае из друга и союзника человека оно превращается в страшного врага, порой более опасного, чем реальный враг из плоти и крови.

Можно было оторваться, развернуться и задавить смерда машиной. Да, при том проворстве, с которым он двигался и действовал, существовала немалая вероятность удара клинком через стекло. Но это был бы осознанный риск и контролируемые действия в минуту смертельной опасности.

Можно было отъехать подальше, достать из багажника одну из единиц смертоносного арсенала, вернуться и просто застрелить смерда. Мастер Пути ещё не пришёл в себя, его

охрана нейтрализована – на этом можно было бы считать операцию законченной.

Лиза просто бежала с поля боя. Мчалась в панике, как заяц от лисицы, всё рациональное вылетело из головы, осталось только – «бежать как можно быстрее и дальше, спасая свою жизнь!!!».

Это было новое, ни с чем не сравнимое чувство. Это чувство совершенно не поддавалось волевому контролю и, напротив, настолько овладело рассудком Лизы, что какое-то время она была невменяема.

Для человека, с детских лет воспитанного в духе безусловного доминирования Разума над Чувствами, эти вопиющие бесконтрольность и неуправляемость были весомым поводом для глубокого личного кризиса.

Иными словами, это была Катастрофа с большой буквы, которая требовала вдумчивой консультации с мудрейшими членами Дома. Или, как минимум, обстоятельного индивидуального осмысления и глубокого анализа.

Между тем, времени ни на то, ни на другое у Лизы не было.

В настоящий момент она выполняла важное поручение Отца, которое только что едва не провалила, и теперь ей нужно было во что бы то ни стало реабилитироваться и довести дело до конца. Победителей не судят. Если удастся успешно завершить операцию, ей простят грубые промахи в оценке ситуации и смерть четверых эмпатов.

Лиза, наконец, взяла себя в руки и первым делом связалась с командиром подразделения «Омега» – Германом, посредством коммуникатора, встроенного в хронометр:

– Ты где?

– На проспекте Вернадского. Подъезжаю, буду через полминуты.

– Отставить.

– Не понял?

– Остановись. Сверни с проспекта, спрячься где-нибудь во дворе.

– Не понял... Там пусто, что ли?!

– Потом объясню. Давай, уматывай с проспекта.

– Понял...

Правильно говорят: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Лиза совершила ошибку не в тот момент, когда неправильно оценила невесть откуда взявшегося смерда с мечом. Кстати, нужно ещё разобраться, точно ли он взялся невесть откуда, или Мастер Пути целенаправленно бежал от неё под защиту этого сумасшедшего, не восприимчивого к ментальному воздействию.

Сейчас, однако, речь о другом: ошибка была допущена в тот момент, когда Лиза приняла решение захватить Мастера Пути, полагая, что он привёл её к Хранилищу. Увы, оказалось, что Мастер обладает едва ли не сверхъестественным чутьём на опасность. Он давно обнаружил слежку и всё это

время просто катался, запутывая следы.

Сейчас есть возможность исправить эту ошибку.

У края сознания Лизы, в «сумеречной зоне» слабенько мерцали две крохотные красные точки.

Парализованные бойцы Ордена будут «держат» её эманацию до тех пор, пока не умрут или их не излечат. Или пока Лиза сама не пожелает оборвать незримую нить. Связь не зависит от расстояния, но активно высасывает ментальную энергию оператора, причём коэффициент потребления энергии прямо пропорционален расстоянию до объекта. Так что долго играть в шпионские игры не получится при всём желании. Лизин рекорд удержания связи на дистанции до пятнадцати километров – сорок пять минут, и это на грани полного истощения.

Впрочем, мало кто из жертв доживал до сорока пяти минут после полного паралича. Самые сильные держатся до получаса, затем наступает смерть.

Если «отпустить» Мастера Пути подальше, чтобы перестал чувствовать опасность, он неизбежно приведёт к Хранилищу.

В том, что Мастер заберёт с собой парализованных бойцов и будет торопиться, чтобы спасти их, Лиза даже не сомневалась. Руководствуясь незыблемым постулатом Войны «Знай врага как самого себя», она помнила наизусть все кодексы и боевые уставы Ордена.

Раздобыть их было несложно: в незапамятные времена это

были кодексы и уставы её Дома.

* * *

Выйдя на параллельную проспекту улицу, Лиза сориентировалась по названиям, закрыла глаза и бегло проинспектировала свою сумеречную зону.

Две красные точки довольно быстро двигались перпендикулярно улице, на которой сейчас находилась девушка. Сопоставить мысленную проекцию с реальной местностью было делом двух секунд. Если Мастер сейчас не путает следы, как в самом начале, а кратчайшим путём выдвигается к Хранилищу, то точка входа располагается где-то в районе моста в пяти километрах отсюда.

Именно в этом месте Мастера Пути «повели» и, как впоследствии выяснилось, спугнули.

Лиза сообщила Герману о передвижении Мастера и пошла вдоль ряда припаркованных машин, выбирая жертву.

Впрочем, особого выбора не было. Все машины закрыты, из автовладельцев поблизости находился только средней небритости брюнет, который со смертельной скукой во взоре рассматривал свои красные мокасины и крутил на пальце ключи, привалившись спиной к двери чёрного «Линкольна». Брюнет был высокий, симпатичный, очевидно, кого-то ожидал, и это ожидание его явно не вдохновляло.

Поравнявшись с брюнетом, Лиза остановилась и на мгню-

вание замерла в нерешительности, испытывав нечто похожее на робость.

До сегодняшнего дня (читай: «до сумасшедшего смерда с фламбергом») у неё ни разу не было осечек. Все воздействия проходили с академической точностью и неизменным успехом, даже если встречались тренированные противники с чётко выраженным резистом, наподобие Мастера Пути и бойцов Ордена. При правильной технике все резисты слетают как шелуха, а людей с Иммунитетом на Земле осталось раз-два и обчёлся.

– Посмотри на меня.

Брюнет прекратил разглядывать мокасины и уставился на Лизу.

Острого интереса в его взгляде не было. Этот взгляд с откровенной непринуждённостью сообщал: «Ну, так, ничего девица... но видал и получше».

В порядке реабилитации Лиза не стала использовать привычный фокус суггестии с часами и форсированное давление. Проверяя себя, «нажала» напрямую и вполсилы.

Взгляд брюнета мгновенно потеплел, безразличие как рукой сняло.

Восхищённо прищёлкнув языком, он окатил Лизу едва ли не физически ощутимой волной страсти и немедленно выдал резюме по факту проснувшихся чувств:

– Я готов целовАТЬ!!! песок, по которому ты хадии-ла!

Да, так и выдал, строкой из песни, и очень даже мелодич-

но, со слухом у него был полный порядок.

– Ну, слава Разуму, – с облегчением вздохнула Лиза. – Значит, это не я такая плохая, а просто смерд был неправильный. Итак, малыш, прокатимся с ветерком?

– С удовольствием, звезда моих очей! – «Малыш», который был раза в полтора старше Лизы, услужливо распахнул дверь с правой стороны, галантно помог девушке усесться, закрыл дверь и рысцой припустил на водительское место.

* * *

Указав брюнету маршрут, Лиза сделала несколько звонков. Сообщила дежурному по Дому координаты гаражей и аварии, приказала выслать «ресепшн» на предмет уборки в гаражи и эвакуатор с Представителем на проспект для решения вопроса по ДТП.

Затем набрала Секретаря Дома и озадачила его по информации:

- Мне нужны данные по Бесам.
- По последним выполненным?
- Нет, по живым Бесам.
- «Живые Бесы» – это анахронизм.
- В смысле?
- В самом прямом. Живых Бесов давно нет.
- Ты уверен?
- Абсолютно. За последние пятнадцать лет ты хоть раз

слышала о происшествиях, в которых фигурировали Бесы?

– Н-н-н... Нет, не слышала.

– Всё верно. Потому что последнего исполнили пятнадцать лет назад. С тех пор не было ни одного упоминания о Бесах.

– Что, совсем ни одного?

– Ни единого.

– Что ж... Хорошо, подготовь данные по исполненным в нашем регионе.

– Так, а что будем искать?

– Фамильное сходство.

– Ого... Слушай, ты меня интригуешь. Подробности не поделишься?

– Приеду, поделюсь. Но это так... версия, не более того.

– Хорошо, я подготовлю материал.

– А, и вот ещё что! Нужны данные по реликвиям и артефактам.

– По тем, что у нас есть?

– Нет, по тем, что у нас нет, но хотелось бы иметь.

– Но это будет очень даже немаленький такой массивчик... А что именно тебя интересует?

– Фламберги. Конкретнее, двуручные мечи с витым клинком.

– Ну, это будет нетрудно. Фламбергов как раз таки немного...

В завершение Лиза скоординировала маршрут с Герма-

ном и приказала брюнету ускориться – красные точки в сумеречной зоне с полминуты назад встали как вкопанные, и, судя по проекции, где-то в районе моста.

* * *

Под мост они с Германом влетели почти одновременно, но с разных сторон, как, впрочем, и задумывалось.

Сейчас здесь медленно ехали три машины, четвёртая с раскрытым багажником была припаркована возле металлической двери, по всей видимости, ведущей куда-то в сервисные помещения и располагающейся в центре опоры.

Дверь как дверь, как тысячи иных безликих дверей подобного типа...

Но Лиза внезапно ощутила вроде бы ничем не обоснованное душевное волнение. Сердечко запрыгало, забилось, как испуганный кролик, кровь прилила к голове, в виски пробно ударили молоточки великого Предвкушения...

Неужели эта дверь в самом деле ведёт в Хранилище?! С трудом верилось, что где-то неподалеку, рукой подать, могут находиться бесценные знания древней цивилизации, за которыми веками с переменным успехом охотились и Орден, и Элита...

– Шевелитесь! – рявкнул Герман.

Чёрные гелендвагены подразделения «Омега», которым командовал Герман, пропустили посторонний транспорт и

перекрыли въезд под мост.

Дюжина бойцов в камуфляже, экипированных для боевых действий в городских условиях, высыпала из машин и быстро рассредоточилась в две линии, выбрав безопасную дистанцию от опоры с дверью. Ещё четверо встали с обеих сторон, прикрывая фланги и наблюдая за местностью.

Герман жестом показал Лизе, чтобы пока не покидала салон, и вместе с инженером пошёл проверять брошенную машину, а заодно и таинственную дверь в опоре. Двое бойцов серыми тенями следовали рядом, прикрывая командира.

Пока Лиза глазела на все эти перемещения, она невольно «отпустила» брюнета, и тот, ощутив слабинку, немедленно дал волю чувствам.

Девушка и глазом моргнуть не успела, как на её коленку легла горячая ладонь, а шея буквально задымилась от страстного поцелуя.

Лиза мгновенно «ударила», не задумываясь, «на автомате», причём ударила сильно, со злостью.

Брюнет захрипел, замер в нелепой позе и остекленевшим взором уставился на Лизу. Лицо его тотчас же побагровело, изо рта пошла пена.

– Фу ты, гадость какая, – не дождавшись завершения осмотра брошенной машины, Лиза живо покинула салон «Линкольна».

Вот ведь неудобство-то какое! В боевых дисциплинах персональный контакт не нужен. Можно бить с ходу, наотмашь,

главное – видеть противника. А для всех небоевых манипуляций нужно обязательно установить с объектом двустороннюю связь. Когда в детстве и юности в процессе обучения осваиваешь психотехники, это поначалу интересно и забавно. С возрастом все эти «суппорты» и «мосты» начинают надоедать, и зачастую, вместо того, чтобы нянчиться с очередным объектом, хочется сразу шарахнуть его со всего маху и пойти пить чай.

И вот ещё что неприятно: почему-то для безусловного доминирования необходимо давить именно на «репродукцию». Такой формулы воздействия, чтобы просто «щёлк!» – и объект послушно и бесстрастно отправился выполнять команды – почему-то в реестре психотехник Элиты не существует.

Для доминирования над объектом нужно сначала «влюбить» его в себя и постоянно держать «на поводке». Чуть приотпустишь – и вот вам результат: потные лапы на коленях, слюнявые губы тут как тут, колючая щетина и так далее. В общем, не доминирование, а какие-то сплошные гадости с материалом для генетической экспертизы.

Герман подозвал Лизу и сообщил о результатах осмотра.
– Машина не заминирована. Бежали в спешке, даже багажник не захлопнули. Глянь, какой арсенал. Если бы твои эмпааты сразу не надавили, они бы вас в клочья разнесли.

В багажнике лежали автоматы, дробовики, разгрузочные жилеты с магазинами и гранатами, а также три одноразовых

гранатомёта. В общем, неплохой такой запас на разные случаи жизни.

В разбитом «Кайене» тоже имелись две штурмовые винтовки и пара пистолетов, но насчёт гранатомётов как-то никому в головы мысль не пришла. Эмпаты, вообще, никогда не пользовались оружием, это прерогатива силовиков Германа, а винтовки и пистолеты возили с собой в соответствии с требованиями Боевого Устава Дома. Как резерв на случай встречи с... хмм... с каким-нибудь «анахронизмом», как изволил выразиться Секретарь.

Как показала совсем недавняя печальная практика, «анахронизм» может появиться так внезапно и действовать столь стремительно, что до оружия никто и добраться не успеет. Ну, и если не кривить душой и анализировать беспристрастно, та же самая практика зафиксировала реакцию лидера команды эмпатов на первый опыт столкновения с существом, имеющим Иммунитет к ментальному воздействию: утрата волевого контроля и паническое бегство.

Так что, как ни крути, но «анахронизмы» – они такие «анахронизмы»...

– Короче, машина в порядке. А вот про дверь ничего хорошего не скажу. За ней может быть всё что угодно.

– Так, и что мы будем с этим делать?

Дверь была выполнена из сплошного бронелиста, хорошо заглублённого в тело опоры, не имела ни ручек, ни скважин, ни каких-либо выступов. Для обычного сервисного тоннеля

это была слишком мощная защита от проникновения: если не брать в расчёт особый умысел, здесь наверняка можно было обойтись чем-то попроще.

Герман толкнул дверь плечом, зачем-то прощупал её сверху донизу, как будто надеясь обнаружить некий скрытый рычаг, и сделал вывод:

– Поддеть не получится, дёрнуть – тоже, остаётся только взорвать.

В этот момент под мост заехала патрульная машина, с той же стороны, что и «Линкольн» понукаемого Лизой брюнета. То есть с грубейшим нарушением правил, против движения.

Лейтенант, старший патруля, сообщил, что был «сигнал» от добросовестных граждан, спросил, кто главный и что здесь происходит.

Герман предъявил удостоверение самой могущественной спецслужбы Страны и снизошёл до объяснения:

– Спецоперация. Террористов ловим.

Лейтенант сказал, что ему нужно сообщить руководству о том, что на его территории федералы проводят операцию.

Герман заявил, что это будет равносильно пособничеству террористам, поскольку враг прослушивает все телефоны и радиочастоты в этом районе.

Лейтенант счёл довод разумным и спросил, не нужна ли помощь.

– Перекройте движение по встречной, – попросил Герман. – Чтоб какой-нибудь дебил не впёрся сюда в самый раз-

гар операции.

Вообще-то, помимо патруля, по встречной под мост никто не заезжал, но лейтенант отнёсся к просьбе очень ответственно и пообещал, что дебилы здесь не пройдут.

Уже садясь в патрульную машину, лейтенант заметил страшный оскал несчастного брюнета, которого было видно через приоткрытую дверь «Линкольна», и с недоумением спросил, что это за человек и почему так странно выглядит.

– Террорист, – лаконично пояснил Герман.

Лейтенант вытащил айфон и стал искать ориентировки.

Лиза сжала кулаки и нехорошо сузила глаза.

– Особый код, – добавил Герман. – По вашей линии ориентировок нет.

– О как... – удивился лейтенант, пряча айфон. – А как мне потом руководству...

– Хаттаббасай аль Радуй, – сообщил Герман. – Так и передай, все ваши «верхние» в курсе.

– Понял. – Лейтенант почтительно козырнул и полез в машину.

– Да, и отъезжайте подальше, как минимум метров на сто пятьдесят. Сейчас дверь рвать будем.

– Понял!

– Какого шпренгера мы тратим время на этих смердов?! – возмутилась Лиза, как только лейтенант сел в патрульную машину. – Связать, нейтрализовать, убить – у нас дело стынет!

– Тут сразу за насыпью отдел, – пояснил Герман. – Могут ещё набежать с той стороны. А сейчас вопросов не будет, обставились. Потратили всего минуту, Мастер твой точку входа показал, так что считай, что Хранилище наше. Не переживай, сейчас зайдём.

* * *

Лиза проинспектировала сумеречную зону: красные точки были совсем рядом, двигались очень медленно и по странной траектории, словно бы преодолевая полосу препятствия или лабиринт. Таким образом, шанс поймать Мастера Пути и получить дополнительный бонус к главной задаче был всё ещё достаточно велик, и Лиза немного успокоилась.

Неплохо было бы ещё изловить этого сумасшедшего меченосца живым и отдать на исследование. Теперь, когда с ней Герман, это не составит особого труда. Да, пять минут назад Лиза думала иначе. А чуть раньше вообще не думала, а бежала сломя голову от смерда, не подвластного её чарам.

Но присутствие Германа всегда вселяло в её сердце отвагу, независимо от настроения и состояния. Так уж он устроен, Герман – её двоюродный брат, тридцатидвухлетний богатырь, Мастер Боя и бессменный лидер подразделения «Омега» на протяжении последних десяти лет. Есть в нём нечто такое, что поднимает в соратниках боевой дух и внушает уверенность в себе, причём совершенно без всяких психо-

техник, которыми военный практик Герман откровенно пренебрегает.

С Германом ей не страшны никакие «архаизмы».

Подумаешь, Иммуни́тет к Менталу!

Там, где не сработали эмпаты, сработают сталь и свинец. Ибо нет в мире существа с иммунитетом к пулям, осколкам и клинкам.

– Так, орлы, давайте-ка бахнем по этой красивой дверке...

Герман не стал тратить время на возню со взрывчаткой и решил воспользоваться запасами Ордена.

Все отошли за линию оцепления, у двери остались трое бойцов.

Двое взяли из багажника брошенной «Мазды» по гранатомёту, третий отогнал машину подальше. Затем двое отбежали к противоположной опоре и изготовились с обеих сторон от неё, с гранатомётами на плече, имея в секторе дверь, примерно под углом тридцать градусов, на расстоянии чуть более пятидесяти метров.

– Командир, близко! – поделился впечатлениями один из бойцов. – Как бы не прилетело!

– Дверь монолитная, вокруг сплошной бетон, – небрежно отмахнулся Герман. – Попадите точно в железяку, и ничего не прилетит. Готовы?

– Так точно! – хором ответили бойцы.

Герман уже собирался было дать команду на открытие огня, но тут ему показалось, что последний гелендваген стоит

слишком близко к двери.

– Андрей, перегони свой транспорт поближе, – приказал он водителю.

Боец отогнал машину куда сказано, но буквально на последнем метре гелендваген резко заглох.

Это было неожиданно и странно.

Транспорт подразделения «Омега» всегда содержался в идеальном состоянии, как, впрочем, и все машины в автохозяйстве Дома.

– Ого... – удивился Герман. – Мне показалось или наша тачка заглохла?!

И тотчас же Лиза испытала уже знакомое ощущение...

Мир вокруг изменился.

Краски сделались яркими и сочными, звуки стали громкими и пронзительно-резкими, а запахи словно бы приобрели объём и текстуру.

Будто до этого момента сидела средь бела дня в своей спальне с закрытыми наглухо окнами, задёрнутыми шторами и с прищепкой на носу – и вдруг пришёл кто-то непрошенный, одним щелчком сшиб прищепку, отдёрнул шторы и настежь распахнул оконные створки.

Примерно то же самое Лиза ощутила при первой Паузе, несколько часов назад. Только в тот раз не обратила особого внимания на такие странные метаморфозы, поскольку была занята важным делом. К тому же в первый раз это произошло, когда Лиза была в тёмном тоннеле подземелья, и всё

получилось как-то приглушённо, смазанно, неявно.

Сейчас всё было заметно острее, громче и ярче.

Впрочем, по поводу красок и запахов особых новшеств не возникло, но вот со звуками получился полный коллапс.

Во всей округе внезапно смолк непрерывный монотонный гул машин, будто бы весь совокупный транспорт города разом заглушил моторы и встал... И воцарилась странная гнетущая тишина. Так тихо стало, что Лиза расслышала, как на дальнем фланге кто-то из бойцов нервно барабанит пальцами по магазину своего оружия.

– Пауза, – тихо сказала Лиза.

– Заметил, – Герман болезненно морщился и тёр глаза – похоже, ему тоже «отредактировали контрасты». – Надеюсь, это не помешает нам работать... Огонь!!!

Бойцы как следует прицелились и почти синхронно нажали на спусковые рычаги.

Тишина.

С недоумением переглянулись, нажали ещё разок...

Тишина.

Третья попытка – результат тот же.

– Да что такое!

Чертыхаясь, Герман побежал к опоре.

Проверил гранатомёты, вроде бы всё в порядке. Крикнул, чтобы притащили два гранатомёта из своих запасов (враги подбросили бракованное оружие?! Бред, конечно, но...), самолично пощёлкал спусковым рычагом...

Тишина!

Озарённый смутной догадкой, Герман скинул с плеча штурмовую винтовку и «дал очередь» в сторону двери.

Увы, очередь так и не состоялась: спусковой крючок щёлкал вхолостую.

– Чтоб я сдох... – ошеломлённо пробормотал Герман. – Это что же такое творится?!

Лиза нажала один из изумрудов на своём универсальном хронометре и без эмоций, академическим тоном продиктовала:

– Во время Паузы не функционирует стрелковое оружие и гранатомёты. В связи с малым временем Паузы возможность провести испытание отсутствует, так что причина пока не выяснена...

Эту фразу Лиза произнесла машинально, глядя в сторону опоры, а затем бросила взгляд на циферблат и заметила, что часы не работают.

– Мой хронометр тоже не работает во время Паузы, – сообщила Лиза неработающему хронометру, вновь нажав изумруд.

Затем поняла, что сделала глупость, идиотски хмыкнула и оценила своё поведение – уже в пространство, вне связи с хронометром:

– Вот дура-то...

– И что будем делать? – растерянно уточнил Герман, вернувшись от опоры несолоно хлебавши.

– Сейчас пауза кончится – продолжим, – спокойно сказала Лиза. – Ты волнуешься?

– Нет, я не волнуюсь! Я просто очень зол. Слушай, это что же теперь... Это что же, когда НАЧНЁТСЯ... оружие не будет стрелять?

– Не знаю, – покачала головой Лиза. – У нас нет таких данных. Учёных потом спросим, может, они что-то знают. Ну, и не забывай, что сейчас идёт Отладка, так что возможны любые девиации. Не факт, что в Эпоху Резонанса будет ровно то же самое, что мы сейчас наблюдаем в Паузах.

– Мне это очень не нравится, – пожаловался Герман. – Зачем, спрашивается, столько лет тренировались, отработывали тактику и взаимодействие...

Через несколько минут «створки окна закрылись, шторы задёрнулись, прищепка вернулась на место»...

И всё вокруг пришло в движение.

Раздался звук множества заводящихся двигателей, из карманов бойцов забубнили мобильные «приветствия», хронометр Лизы дисциплинированно возвестил о том, что он в полном порядке и готов работать дальше.

Гранатомёты, использованные во время Паузы, не работали. Герман не стал разбираться в причинах, просто дал команду сапёру, и тот за две минуты «открыл» дверь пластиковой взрывчаткой.

– Заходим! – скомандовал Герман, и колонна в камуфляже ворвалась в клубящийся бетонной взвесью проём сервисного

тоннеля.

* * *

Бойцы «Омеги» разбежались по ответвлениям тоннеля. Герман с Лизой остались в тамбуре, ожидая результатов. Лиза привычно прикрыла веки, проверяя сумеречную зону...

И вздрогнула.

Красные точки исчезли.

Телепортация или излечение?

У Ордена есть техники нейтрализации последствий ментального воздействия, но для этого требуются специальные устройства, потребляющие колоссальное количество энергии. «На коленке», в полевых условиях, «снять ментал» просто невозможно.

Телепортация?

В базе данных Дома есть принципиальные схемы общего устройства Хранилищ.

Как правило, в комплекте к Хранилищу прилагается порталная камера... Но нигде нет ни одного упоминания о том, что эта камера – рабочее устройство, а не рудиментарный декор Древности.

Иными словами, в базе данных Дома нет ни одного упоминания о том, что телепортация возможна в принципе.

Кроме того, если даже немного пофантазировать в этом

направлении и предположить, что Мастер Пути телепортировался вместе с парализованными бойцами Ордена куда-то на значительное расстояние, сейчас у Лизы должен наблюдаться резкий отток энергии. И она, по логике, может в течение минуты свалиться от истощения или даже умереть, если не успеет разорвать связь.

Ничего подобного Лиза не ощущала.

Никаких запредельных нагрузок и предощущения Смерти.

Да, была усталость, но после неудачных и энергоёмких экзерциций в гаражах и последующего поддержания связи с бойцами Ордена – это вполне нормальное явление.

– Гера...

– Что?

– Мы их потеряли.

– С чего ты взяла?

– Я их «не вижу». В сумеречной зоне пусто.

– А перед Паузой проверяла?

– Да, они были совсем близко.

– Может, Пауза как-то повлияла? Далеко удрать за пять минут они не могли.

– Нет, их здесь нет.

– Не спеши с выводами. Поищем, посмотрим...

Этот сервисный тоннель принадлежал Водоканалу, и ничего особенного в нём не было. Несколько коридоров-ответвлений, две подсобки и четыре колодца, ведущих в раз-

ные коллекторы.

Поверхностный осмотр показал, что все коллекторы, кроме северо-западного, не имеют для беглецов жизненной перспективы. Трубы тут были узкие, по одному, в принципе, проползти можно, но тащить за собой парализованного товарища совершенно нереально.

Для подтверждения этой вопиющей бесперспективности бойцы по-быстрому взяли пробы воздуха из каждой трубы и прогнали через биохимический анализатор.

Все три результата были примерно равны нулю. Примерно, потому что в трубы немного затягивало из колодцев, в которых были бойцы. Любое живое существо имеет свойство дышать, и в замкнутом пространстве с минимальным движением воздуха довольно долго остаются так называемые «промежуточные продукты процесса дыхания», по которым можно определить немало параметров, вплоть до пола, возраста и состояния здоровья этого самого существа.

Так вот, прибор показал, что в этих трубах сегодня не дышала ни одна захудалая крыса, не говоря уже о существе с человеческим объёмом лёгких.

Северо-западный коллектор заметно отличался от других. Здесь был прямоугольный высокий тоннель, совершенно сухой на всём своём стометровом протяжении и заканчивающийся мощной бетонной забутовкой, спрессованной под гнётom времени до гранитной твёрдости. Ни одного колодца, ни одной решётки, ни даже какой-то паршивенькой отвод-

ной трубы.

В общем, ровным счётом ничего, кроме гладких бетонных стен. Непонятно было, для каких целей соорудили этот тоннель – он совершенно не вписывался в логически обоснованную систему прочих здешних коллекторов и явно был в ней лишним.

Герман дал команду, и сапёр с детектором пустот принялся прощупывать тоннель.

На последней трети прибор показал размытый контур прямоугольного профиля, примыкавшего к тоннелю под углом примерно в пятьдесят градусов.

Стенка тоннеля в этом месте была совершенно гладкой и монолитной, никаких намёков на пазы, щели или какие-то иные признаки двери обнаружить не удалось.

Поиски рычагов и потайных кнопок успеха не имели, поэтому Герман опять предоставил слово сапёру, а все прочие покинули коллектор и на всякий случай вышли на улицу.

Вскоре внизу гроыхнул взрыв, затем прибежал сапёр с докладом:

– Есть пролом, можно заходить!

Получившийся в результате взрыва проём открывал дикую выработку, полого спускавшуюся вниз. Здесь не было никаких крепей, ламп, проводов, вообще ни малейшего свидетельства о том, что эта выработка рукотворна. Натуральный пещерный ход овального сечения высотой чуть более человеческого роста.

Единственно, что здесь напоминало о недавнем человеческом присутствии: две пары стоптанных кроссовок сорок третьего и сорок четвёртого размеров.

– Так торопились, что из обуви выпрыгнули! – не ко времени развеселился Герман. – Или это какой-то хитрый трюк?

Ход вёл в просторную камеру с каменными стенами, выложенными по технологии инков, совершенно без раствора, с плотно пригнанными друг к другу глыбами магматических валунов.

Обследовав помещение, сапёр не обнаружил очевидных признаков опасности и пригласил Германа с Лизой.

Оказавшись в камере, Лиза сразу поняла, что это как раз ТО САМОЕ, что было указано в принципиальных схемах Хранилищ.

– Это... Это то, о чём я думаю? – растерянно уточнил Герман, обшаривая лучом фонаря две странные конструкции, расположенные в противоположных углах помещения.

– Не знаю, о чём ты думаешь... – Голос Лизы дрожал, она была готова расплакаться от разочарования. – Но, если верить нашей базе данных, это порталная камера. И, как видишь, никакого Хранилища здесь нет.

Глава 3

Богдан Найдёнов.

Зубрила, отличник, зануда

Неподалёку от пункта назначения Богдан почувствовал приближение Паузы. Это был сложный и запутанный клубок ощущений, на описание которого пришлось бы потратить немало времени и бумаги, хотя бы по той простой причине, что сам Богдан не мог внятно и толково объяснить, что с ним происходит.

Единственное, что он мог сказать совершенно точно: примерно то же самое было накануне первой Паузы.

Богдан немедленно связался с Арсением и доложил:

– Думаю, скоро начнётся. Подтверждаю: это не случайность, у меня в самом деле есть Предчувствие!

– «Скоро» – это просто замечательно. Однако нельзя ли поточнее? И кстати, это выводы по одному эпизоду?

– По двум. В прошлый раз и сейчас. Поточнее пока не получается, но есть чувство... эм-м... как бы это в двух словах... нарастания, набухания, приближения, предвкушения, трепетного такого волнения...

– У меня тоже так бывает, – разоткровенничался спутник Богдана. – Когда неделю без подружки, а потом – цап её за бретельки! Такое сразу нарастание...

– Это кто там у тебя? – всполошился Арсений.

– О, это отдельная история. Но ты не волнуйся, делу это не мешает, скорее наоборот. В общем, я уверен на тысячу процентов: у меня Предчувствие!

– Не спеши делать выводы, – рассудительно заметил Арсений. – Если в самом деле «начнётся», тогда уже будет два эпизода. Ну и, разумеется, для системы нужно как минимум три повтора.

– Ясно. Но вы там хоть аэропорты предупредите...

– Уже не надо.

– Не понял?! Мы перестали помогать мирянам?

– Слушай, тебе уже двадцать пять лет, пора избавляться от максимализма.

– Замечание принято. Почему не надо звонить в аэропорты?

– По печальным итогам прошлой Паузы, в большинстве стран принято решение отменить все вылеты до выяснения обстоятельств. Мотив старый и проверенный: в связи с террористической угрозой.

– Понял. Наверно, Господа подсуетились?

– Слушай, тебя сейчас...

– ...не должны волновать такие мелочи, – привычно закончил фразу Богдан.

– Верно, – пробурчал Арсений. – Ты лучше на дорогу смотри. Как там наши?

Богдан посмотрел назад.

Бойцы были синюшно-багровыми и опухшими до безобразия, жить им осталось в лучшем случае полчаса.

Первое, что он сделал, когда выехали из гаражей, это сообщил на базу о случившемся и предупредил, чтобы готовили аппараты для нейтрализации.

Однако, если сейчас что-то не заладится с порталом, аппараты не пригодятся. Чтобы добраться до Убежища обычным способом, понадобится не менее двух часов. Это если по пути не случится пробок.

– Считай, что никак. Если не управлюсь с порталом, им конец.

– Тогда постарайся управиться. Вы далеко?

– Постараюсь. Мы уже близко. И кстати, я вам сюрприз везу.

– Ненавижу сюрпризы, – признался Арсений. – Они никогда не бывают хорошими.

– В этот раз будет исключение, – обнадежил Богдан. – Это хороший сюрприз. И не просто хороший, а... может быть, даже судьбоносный...

– Судьбоносный? – заинтересовался Арсений. – И что это за сюрприз такой?

– Не по телефону, – уклончиво ответил Богдан. – Встречай, всё увидишь сам.

– Хорошо, ждём тебя...

– Думаешь, она попробует удрать из страны? – спросил спутник.

– Из страны... – рассеянно повторил Богдан, пытавшийся сосредоточиться на предошущениях Паузы и вывести хоть сколько-нибудь приемлемую систему отсчёта. – Удрать... Это ты про кого?

– Про девчонку эту, зеленоглазую, про кого же ещё!

– Хм... Ну уж нет, брат, удрать – это не про неё. Это, скорее, нам с тобой удирать придётся. Или забиться в какую-нибудь щель и замереть как мышкам. Она здесь хозяйка. Сейчас эта хозяйка свистнет своё войско, и если мы не успеем убраться подальше, нас разложат на атомы... Тебя как звать?

– Семён.

– Очень приятно – Богдан.

– Не скажу, что приятно, но запомню. А зачем тогда в аэропорты звонить?

– «Полосы заминированы, взлетать-садиться нельзя».

– Хулиганите, что ли? За это, если ты не в курсе, срок схлопотать можно.

– Хм... Ты такой смешной. «Срок»... Тебя в любой момент могут убить. Ты сам только что убил четверых. Тебя сейчас не должны волновать такие мелочи, как срок.

– «...Не должны волновать такие мелочи...» – передразнил Семён. – Это был твой отец, по телефону?

– Не думаю, что нам стоит это обсуждать, – Богдан слегка покраснел. – Ты не слышал про падения самолётов в первую Паузу?

– А, так этот бардак Паузой называется? Хорошо хоть

не менопаузой. Да, слышал по радио, пара самолётов где-то грохнулась.

– Может, пара десятков?

– Не знаю, по «Дорожному Радио» сказали, что два самолёта. Но мне, вообще, глубоко по гульфик, они же не на меня упали.

– Не смею подвергать сомнению высочайшую информированность «Дорожного Радио»...

– А попроще?

– Упавших самолётов было значительно больше. Кстати, вон там налево и под мост...

* * *

Беглецы заехали под мост и остановили машину возле металлической двери в центре опоры.

– Выгружай, я открою, – Богдан достал из «бардачка» камертон и вышел из машины.

– Куда выгружать?

– Прямо к двери.

Отбежав от двери на пять метров, Богдан вставил камертон ножкой в крохотную выемку в опоре, достал из кармана перочинный нож, разложил и ударил обушком одновременно по обоим зубцам.

Раздался чистый мелодичный звук, в двери что-то щёлкнуло, и она приоткрылась.

Эти манипуляции вполне закономерно могли бы вызвать удивление, но Семён даже не обратил внимания, каким образом его спутник открыл дверь.

Семён был занят – вытаскивал из машины парализованного бойца, и это неожиданно оказалось непростым и довольно трудоёмким занятием.

Когда парализованных грузили в машину, их тела и конечности были более-менее эластичными. А сейчас покатались по городу, прошло вроде бы немного времени, но парни стали как будто деревянные – ни согнуть, ни разогнуть.

– Это просто беда какая-то, – озабоченно пробормотал Семён. – Вообще, я не уверен, что их стоит куда-то тащить. По-моему, им срочно нужна «Скорая»!

– «Скорая» им не поможет, – Богдан принялся помогать Семёну. – Им сейчас не поможет ни один врач в мире.

– Это яд, что ли?

– Это хуже яда. В общем, успеем доставить на базу – спасём. Так что, будь добр, шевелись быстрее и помалкивай.

Бойцов с трудом извлекли из машины и втащили за дверь, в тамбур. Затем вернулись к багажнику, чтобы забрать кое-какие вещи.

Богдан надел через плечо небольшую холщовую сумку, взял два фонаря, один из них отдал Семёну и вручил ему меч.

– Ты здоровее, так что сам таскай свою железяку.

Семён ничего не ответил, но, увидев в багажнике оружие,

разом посуровел и нахмурился.

Что ж, для мирянина реакция вполне закономерная.

– Мы не террористы, – счёл нужным объяснить Богдан. – Не криминалитет.

– Угу, – пробурчал Семён, с сомнением глянув на дверь в опоре.

– Скоро ты всё узнаешь, – пообещал Богдан. – А пока тебе достаточно знать, что мы – дичь, а ОНИ – охотники. И эти охотники с минуты на минуту будут здесь.

– Угу, – Семён стал оглядываться, словно бы оценивая оптимальные варианты для бегства.

Одна из проезжавших под мостом машин остановилась неподалёку, из окна высунулась рука с мобильником. Очевидно, водитель заметил лежащих в тамбуре бойцов и решил снять ролик для Хрютуба.

Его движение не осталось незамеченным, чуть поодаль остановились ещё два автомобиля.

Семён с надеждой посмотрел на машину, из которой торчал телефон, нервно сглотнул и даже сделал едва заметный шагок в ту сторону.

– Какой внимательный... и глупый, – Богдан достал из багажника автомат и продемонстрировал водителю.

Из окна показалась вторая рука с оттопыренным средним пальцем.

– Очень глупый, – усугубил первичный диагноз Богдан и, слова худого не говоря, дал навскидку очередь по колесам

грубиянской машины.

– Обалдеть... – ошеломлённо прошептал Семён. – Вот теперь нам точно хана!

Все три остановившиеся машины с пробуксовкой рванули прочь, ещё несколько следовавших мимо автомобилей резко ускорились.

Грубиянскую машину хорошо таскало из стороны в сторону: Богдан попал в заднее левое колесо.

– Уходим, – скомандовал Богдан.

– А если не пойду, ты меня пристрелишь? – хрипло спросил Семён.

– Тебя пристрелит твоя зеленоглазая подружка, – Богдан бросил автомат в багажник и поспешил к двери. – Но перед этим Еретики подвергнут тебя тщательному исследованию.

– Какому исследованию? – уточнил вдогонку Семён.

– Они будут долго и методично разделять тебя на части, чтобы понять природу твоего иммунитета к ментальным атакам. – Говоря это, Богдан начал закрывать за собой дверь. – Так что желаю удачи в амплу подопытной крысы.

– Мне надо подумать! – Семён, видя, что спутник не собирается тащить его насильно, засомневался.

– Думай. У тебя десять секунд, потом закрываю дверь. Да, кстати. Если я ничего не путаю, твой отец должен был погибнуть при весьма странных обстоятельствах.

– Что?! Откуда ты... – страшно удивился Семён.

– Я ничего не путаю, – удовлетворённо констатировал

Богдан. – Заодно и спросишь у своей зеленоглазой подружки, как они убили твоего отца.

– Я с тобой, – решительно заявил Семён. – Погоди секунду, ремешок возьму...

Семён отцепил ремень от одного из автоматов, быстро соорудил импровизированную перевязь для меча и присоединился к Богдану.

* * *

С обратной стороны дверь запиралась при помощи бункерной винтовой задвижки.

– Без взрывчатки не откроют, – Богдан покрутил задвижку и ухватил одного из бойцов за лодыжки. – Потасили!

Пока перетаскивали бойца до последней трети северо-западного коллектора, Семён едва не поранился свободно болтавшимся на импровизированной перевязи мечом и в полной мере ощутил коварство своего спутника.

– Теперь давай, ты бери его под мышки, – с трудом переводя дыхание, предложил он, когда дошла очередь до второго бойца.

– Ты в три раза сильнее меня, а я слаб и немощен, – скороговоркой протараторил Богдан и этого бойца тоже ухватил за лодыжки. – Ты хочешь, чтобы я схлопотал грыжу? Если тебе всё равно, намекаю: в этом случае тебе придётся в одиночку тащить сразу троих.

– Это геноцид! – возмутился Семён.

– Я бы так не сказал, – возразил Богдан. – Скорее, дискриминация по физическим параметрам. Вполне закономерная в сложившихся условиях дискриминация: нужно торопиться, поэтому сильный выполняет большую часть работы.

– Дай хотя бы отдышаться пару минут, а то упаду.

– Полминуты, не больше. Время поджигает. И кстати, не надо думать, что я тебя эксплуатирую. Ты не переживай, я потом отработаю.

– Это каким местом ты отработаешь? Скажу сразу, ты не в моём вкусе. Мне больше девчата нравятся.

– А, понял, это такой крестьянский юмор. Нет, я отработаю по-другому.

– Как?

– Поделюсь с тобой знаниями. **ОСОБЫМИ** знаниями. Можешь мне поверить, это дорогого стоит.

– Нью-нью...

Передвигались быстро, почти бегом. Когда дотащили до места второго бойца, Семён таки упал. Жадно хватая воздух, сполз по стенке, лёг на пол рядом с парализованным воином и с наслаждением прижался лицом к холодному бетону.

И чёрт с ним, что это коллектор, зато какая блаженная прохлада...

– Минутку... Уфф... Передохнуть...

Кстати, коллектор какой-то странный. Ни наносов, ни следов воды, бетон чистый...

– Надо развивать выносливость, – назидательно заметил Богдан – сам он немного запыхался, но даже не устал. – Ты сильный, но быстро выдыхаешься.

– Ага, ещё один, – Семён облизал пересохшие губы. – Что-то меня сегодня все гоняют... Вода есть?

– Нет, – Богдан трусцой припустил к забутовке в конце коллектора. – Восстанавливайся бегом, через минуту идём дальше.

Потайную дверь в стенке коллектора Богдан открыл с помощью того же камертона. Вылутил из забутовки крохотный камешек, вставил в выемку ножку камертона, прозвонил ножом – и кусок стены отъехал в сторону.

– Лихо, – оценил Семён. – Мастерски сработано.

– Резонансные замки, – скромно похвастался Богдан. – Ваш покорный слуга, кстати, некоторым образом приложил руку к разработке этого проекта.

– Да в дупу ваши замки, – Семён явно тянул время, желая подольше отдохнуть. – Я тебе таких замков на коленке надеваю сколько хочешь. «Лихо» – это я про дверь в стене. Подогнано как под микроскопом, даже намёка на контур нет. Тоже ты руку приложил?

– Эм-м...

– Да не напрягайся, понятно, что не ты. Тут другая рука нужна.

– Ты восстановился?

– Ну, как сказать...

– Вставай, у нас мало времени, – поторопил Богдан. – Соберись, тут недалеко.

* * *

Втащили бойцов в скальную выработку, Богдан закрыл дверь, щёлкнул циклопическим засовом и с удовлетворением констатировал:

– Без взрывчатки не откроют.

– Ты это уже говорил на входе, – вспомнил Семён. – Это что, какое-то заклинание?

– А, я понял: это такая защитная реакция, – сделал вывод Богдан. – В минуту опасности ты пытаешься шутить, чтобы побороть страх. Шутки, как правило, бесхитростные и глупые, но, если не владеешь более эффективными техниками, эта методика вполне приемлема.

– Я не шучу, а просто прикалываюсь. Привычка такая, по жизни.

– Ясно. Тут недалеко, и под уклон, попробуем сразу двоих тащить.

Бойцов ухватили под мышки и поволокли спиной вперёд. До камеры в самом деле было рукой подать, так что дотащили быстро, но по дороге с роковой неизбежностью потеряли кроссовки бойцов, обе пары. Дикая выработка, пол корявый, ноги влачимых цепляются за все подряд выступы.

Уложили парализованных у стены, слева от входа, и Бог-

дан сразу направился к северо-западному порталному контуру.

Необычные конструкции в разных углах камеры не произвели на Семёна должного впечатления.

– Ты хочешь сказать, что мы уйдём отсюда через эти штуковины?

– Прыгнем, – поправил Богдан. – У нас это называется «прыжок». Пожалуйста, не мотай фонарём, мне нужно сконцентрироваться.

– Пожалуйста. – Семён поставил фонарь на небольшой каменный стол посреди камеры и кивнул на бойцов. – Пойти, что ли, их тапки подобрать?

– Нет-нет, не уходи. Как начнётся, я ненадолго «отключусь», перестану контролировать обстановку. Понятно, да?

– Э-э-э... Ни фига не понятно, особенно насчёт «отключусь»...

– В общем, встань у входа и приготовься сражаться.

– Фигасе...

– Я постараюсь управиться быстро, но на всякий случай будь готов.

– К чему?!

– К бою. Руби своим мечом любого, кто появится в этом коридоре.

– Ты не шутишь?!

– Нет. Во время Паузы современное оружие не действует. Стрельбы не будет, так что руби.

– Да уж... Интересные у вас отношения, я тебе скажу... Однако рубить не выйдет – тут узко. Только колоть и резать, на обратном ходе.

– Режь, коли, убей всех, кто попробует войти в камеру. Будь уверен: они тебя убьют без малейших колебаний.

– А если это будет девушка?

– Её убей в первую очередь.

– Я не сражаюсь с женщинами!

– Это твой кодекс рыцаря? Извини, но тебе придётся на время забыть про него. Иначе нас всех убьют.

– Да не кодекс это, а просто... Гхм... А может, никто и не придёт?

– Да, это было бы здорово. Может, в самом деле никто не придёт. Взрывов пока что не слышно. Пауза наступит через пару минут. А без взрывчатки ОНИ не справятся с дверьми. Но на всякий случай будь готов...

* * *

Портальный контур состоял из двух компонентов: лежа портала и проектора.

Леже портала легче всего представить, если перевернуть кухонный табурет с круглым сиденьем, положить его на пол и открутить одну ножку. Только сиденье будет выполнено в виде полированной обсидиановой плиты диаметром в полтора метра. Ножки получатся немного изогнутыми, высотой

два с половиной метра, широкими снизу, у основания, и заметно сужающимися кверху. Скорее, не ножки, а рожки, и тоже из обсидиана.

Во внутреннюю поверхность каждого из трёх «рожков» были утоплены по пять призм, обращённых к центру круга и расположенных на равных промежутках друг от друга.

Проектор был выполнен в форме круглой ниши в стене, напротив лежа портала. Диаметр ниши составлял метр, а глубина сорок сантиметров. В нише были смонтированы четыре призмы из горного хрусталя и пять двухколенчатых шарнирных кронштейнов, с поворотной рукоятью у основания, позволяющей фиксировать сразу оба шарнира. Каждый шарнир был снабжён круговой шкалой с градуировкой, и каждый кронштейн, выполненный из металлического прута, увенчивал крестовидный держатель.

Под нишей находился каменный выступ в виде полки, на котором стояли три толстых свечных огарка. Слева от ниши, на высоте полутора метров из стены выдавался медный раструб, более всего похожий на трубку Белла. Под раструбом была ещё одна круглая ниша, диаметром двадцать пять и глубиной пять сантиметров. Дно ниши было покрыто пористым серым материалом, на ощупь шершавым, как крупный наждак.

Первым делом Богдан зажгёт все три свечи, одну отнёс на стол, а две оставил на полке.

– Не хватает фонарей? – спросил Семён.

– Фонари сейчас погаснут. Ещё раз – молчи, не мешай, охраняй вход. Мне нужно сконцентрироваться.

Достав из сумки кожаный мешочек, Богдан поочерёдно вынул из него пять порталых камней – правильных пирамидок из лазурита, с длиной стороны основания пять сантиметров, и закрепил их в держателях кронштейнов. Затем принялся выставлять координаты для каждой пирамидки, манипулируя круговыми шкалами шарниров и фиксируя кронштейны поворотной рукоятью по достижении нужной позиции.

Разумеется, координаты Богдан знал наизусть. Это всего лишь пять пар трёхзначных цифр, он запомнил их сразу же, при первом прочтении манускрипта.

Когда Богдан установил третий камень, началась Пауза.

Оба фонаря разом погасли, и сразу же нахлынула уже знакомая лавина ощущений.

Все чувства обострились до предела. Тусклое пламя свечей стало нестерпимо ярким, неуловимые ранее запахи тяжёлого, больного пота бойцов ударили в нос, ворчливый шёпот Семёна был слышен так, словно он говорил в полный голос:

– Ну вот, теперь ещё и электричество кончилось...

– Электричество не может кончиться. Ни при каких условиях, – поправил Богдан, совладав с нахлынувшими чувствами и принимаясь устанавливать четвёртый камень. – Ибо электричество лежит в основе жизни. Это всего лишь не ра-

ботають фонари, о чём, кстати, я предупреждал.

– Ты ещё не сконцентрировался?

– Как видишь, нет. Я пока камни устанавливаю.

Установив все камни, Богдан проверил ход луча. Поднёс свечу к замковому камню, из проектора ударили три луча, многократно преломились в призмах «рогов», и ложе портала укутала ультрамариновая решётка, переливающаяся в неверном пламени свечей.

– Ух ты! – оценил Семён. – Это уже оно?

– Это была проверка хода луча, – пробурчал Богдан. – А сейчас я начну читать Ключ. И буду очень признателен, если ты перестанешь отвлекать меня разговорами.

Затем Богдан взял камертон в левую руку, а правую вложил в маленькую нишу и плотно прижал ладонь к пористой поверхности. И тотчас же почувствовал, как эта поверхность стала впитывать энергию, заструившуюся из его ладони. Не жадно, неспешно, можно даже сказать, деликатно, но факт оттока энергии имел место, и во избежание обессиливания долго держать ладонь в нише не стоило.

Для распевки Богдан взял несколько нот и промурлыкал гамму. Затем он легонько ударил камертоном по стене, проверяя тон, и начал нараспев читать Портальный Ключ в медный раструб.

Богдан не обладал абсолютным слухом, но для прочтения Портальных Ключей не требовалось особых вокальных талантов, поскольку их мелодии были незамысловатыми, и

большее значение здесь имело чёткое и правильное проговаривание слогов.

Ключ звучал на Асуэнтто – древнем языке Ордена, созданном в незапамятные времена специально для протоколов и формул.

Прочитав Ключ, Богдан убедился, что система не работает. Это не было для него новостью. В первую Паузу случилось то же самое: Богдан ассистировал Мастеру Пути, который пробовал установить портал в Хранилище, и в ходе эксперимента выяснилось, что система не работает.

Камни стояли строго по формуле, не было отклонения ни на одну единицу. Богдан абсолютно правильно зачитал Ключ, но результата не было.

Слава Богам, Мастер подсказал, как исправить ошибку. И хотя Богдан почти всё сделал сам, но без этой маленькой подсказки наверняка ничего бы не вышло. Богдану вряд ли пришлось бы в голову, что всё можно исправить именно таким образом, поскольку метод был иррациональным, и с точки зрения ныне действующих законов объяснить его не представлялось возможным.

– Что ж, посмотрим, как это у нас получится в одиночестве...

Богдан поменял руки: в правую взял камертон, левую вложил в маленькую нишу и плотно прижал ладонь к «наждаку».

Затем Богдан закрыл глаза, сфокусировал мысленный

взор на конструкции из камней и призм, ударил камертоном о каменную полку и взял первую ноту Ключа.

Положив камертон на полку, Богдан простёр раскрытую ладонь над проектором и продолжал читать, стараясь почувствовать вибрации, возникающие в конструкции в ответ на мелодию Ключа.

Да, это получалось: Богдан непостижимым образом чувствовал структуру конструкции. В целом она была едва ли не идеальна, но в каком-то месте ощущался крохотный сбой, который не давал системе заработать в полную силу.

С Мастером было проще. Во время отладки в порталльной камере Убежища Мастер читал Ключ, а Богдан «прощупывал» систему, не отвлекаясь на телодвижения.

Не совсем понятно, почему Мастер доверил такое ответственное дело Богдану, а сам выступил в роли декламатора. По логике ситуации, надо было всё сделать наоборот, но... Это уже воля и причуда Мастера. Может быть, он таким образом проверял ученика, выяснял, сумеет ли Богдан самостоятельно работать в экстремальной ситуации.

Однако в одиночку это будет сложнее. Чтобы точно определить сбой, придётся читать Ключ несколько раз.

Дочитав Ключ, Богдан убрал ладонь из ниши, перевёл дух и постарался расслабиться.

Пауза не бесконечна, нужно торопиться.

Хорошо, если бы это была тренировка – зачитал три-четыре раза, не получилось, ну и ладно, в следующий раз ещё

попробуем... Если сейчас ничего не получится, это будет последней тренировкой в жизни Богдана. Потому что враги уже у двери.

Он чувствовал их присутствие таким же непостижимым образом, как чувствовал структуру конструкции проектора. Вернее, за всех врагов говорить не стоит, в сумеречной зоне Богдана для них не нашлось места. Но присутствие зеленоглазой бестии он ощущал отчётливо, как будто где-то внутри его организма был анализатор, настроенный персонально на неё и выдающий сигналы о её местонахождении.

Она была близко.

Ещё один спонтанный сюрприз Паузы. Наверняка с ней рядом немало народу, но только про неё Богдан мог с совершенной определённой сказать: эта тварь где-то рядом, и она смертельно опасна.

Богдан вновь закрыл глаза, вложил ладонь в нишу и, попросив Богов послать ему удачу, прозвонил камертоном об полку...

* * *

Семён, между тем, наблюдал за движениями своего спутника и вяло удивлялся. В первую очередь, удивлялся самому себе.

Если бы сегодня утром ему довелось стать свидетелем такой сцены (человек уткнулся в стену и камлает на тарабар-

ском языке в какую-то железяку), Семён сразу вынес бы вердикт: это либо сумасшедший, либо грибы были на редкость забористыми.

Иными словами, он оценил бы это как вопиющую неадекватность.

А сейчас всё происходящее Семён воспринимал как нечто само собой разумеющееся. Более того, он на полном серьёзе ожидал, что все эти шаманские пляски в конечном итоге завершатся каким-то внятным результатом. Что именно это будет, Семён не знал, но был уверен, что без спасительного конструктива тут не обойдётся.

Трудно сказать, откуда взялась эта уверенность. То ли Пауза так влияла, то ли сегодня случилось столько всего странного, что действия спутника уже не казались шуткой резвящегося идиота, но было такое устойчивое ощущение, что Богдан всё делает правильно.

Когда Богдан стал читать Ключ в третий раз, Семёну слышалось, что из тоннеля доносятся некие посторонние звуки.

Это не было похоже на бряцанье оружия, шаги или голоса, поэтому Семён решил не поднимать тревогу (у Богдана и без того что-то там не ладилось), а просто сменил позицию: высунулся из камеры и стал прислушиваться, приставив ладонь к уху.

Да нет, никто там не крался, не полз коварно по тоннелю, это было всего лишь эхо. Трубка, в которую Богдан пел

странные слова, была устроена таким удивительным образом, что звук расходился по всей камере, убегал в тоннель и с небольшой задержкой возвращался обратно, растеряв по дороге половину слогов и поменяв тональность. Тем не менее, если хорошенько прислушаться, можно было различить в этом эхе интонации Богдана и фрагменты некоторых слов на странном языке.

Прекратив слушать эхо, Семён подался назад, потерял равновесие и неловко наступил на ногу одного из бойцов, лежавшего слева от входа. Наступил сильно, всем своим немалым весом: будь человек в состоянии реагировать, он непременно закричал бы от боли.

– Прости, браток, я нечаянно, – покаянно пробормотал Семён.

Ощущение было такое, будто наступил на смертельно раненного в бессознательном состоянии.

Семён тотчас же, не задумываясь, сделал жест родом из детства: присел на колено рядом с парализованным, потёр его голень в том месте, куда наступил, легонько помассировал и прошептал:

– Всё, всё, не болит, не болит, не болит... Прости, браток, не хотел...

Этот детский жест вызвал совершенно неожиданную реакцию.

Парализованный вдруг дёрнулся, словно его ударило током, согнулся пополам и принялся жадно дышать. Дышал

мучительно, навзрыд, со стоном хватая ртом воздух, как будто на грани утопления чудом вынырнул из глубокого чёрного омута, в котором ему суждено было бесславно и мучительно сгинуть.

– Ыхxxx!!! Уэхxxx!!! Ааххх!!!

Процесс был шумным и эмоциональным. Семён, ощущавший себя в роли пляжного спасателя, впервые в жизни доставшего из воды утопающего, в восторге крикнул:

– Богдан, смотри, у нас тут реанимация получилась!!!

Однако Богдан, читавший Ключ уже в четвёртый раз, никак не реагировал на то, что происходило у него за спиной. Он словно бы отключился от окружающего мира и целиком слился с порталным контуром, стремясь насквозь прочувствовать его структуру и обнаружить неуловимый сбой, не дававший конструкции зазвучать в полную силу.

Не успев толком отдышаться, исцелённый боец проявил чувство товарищества:

– Помоги... Аххх... Ему...

– А как? – Интуитивно Семён догадывался, что боец ожил не сам по себе, а как раз после проявления искреннего сочувствия – но как это всё работает, он пока что не понимал. – Наступить на ногу, потом пожалеть?

– Не знаю... Ыхххх... Прикоснись к нему... Эххх... По щекам побей, что ли...

– Не вопрос!

Семён просунул ладонь под затылок второго бойца и стал

трясти его, похлопывая свободной ладонью по щекам и горячо уговаривая:

– Очнись, браток! Хорош валяться, пора вставать!

Второй боец почти сразу же обмяк и, подобно первому, стал жадно, со стоном, дышать.

– Аллилуйя, дрын вам в сумку!!! – радостно возопил Семён. – Да я просто лучший в мире Айболит!

Через несколько мгновений после того, как Семён испустил радостный вопль, Богдан таки «нащупал» координаты неуловимого сбоя, определил их с точностью до миллиметра.

Он тотчас же прекратил чтение, ослабив поворотную рукоять, поставил камень в нужную позицию и вновь зафиксировал кронштейн.

Сделал он это сугубо на интуиции, ощущение правильности новой позиции было иррациональным, как будто пришедшим откуда-то извне. Попроси сейчас кто-нибудь обосновать, почему камень должен стоять именно так, а не иначе, и не объяснил бы, поскольку кроме как «я так вижу» ничего более в голову не приходило.

Так и не «вынырнув» в окружающую обстановку, Богдан сразу же начал читать Ключ в пятый раз.

На этот раз всё было в порядке.

Структура порталного контура податливо отзывалась на каждую нотку Ключа, входя с ним в резонанс и наливаясь неизвестно откуда берущейся Силой, готовой в любое мгновение разорвать связь между пластами Пространства.

Отзвучала последняя нота Ключа.

Между призмами «рогов» на мгновение вспыхнула уже знакомая решётка – хотя никто не подносил к замковому камню источник света...

И точно по центру порталного ложа возникла бледная сфера, вытянутая по вертикали. В момент рождения она была почти прозрачная, с расплывающимся контуром, но за несколько секунд набрала тон, насыщенность и глубину и, наконец, заиграла всеми оттенками ослепительно яркого ультрамарина.

В порталной камере словно бы включили мощную синюю лампу, стало так светло, что можно было различить не то что все детали обстановки, но и каждую шероховатость в текстуре каменной кладки.

Сфера издавала негромкий звук, похожий на гудение проводов высоковольтной линии, а внутри её были видны нечёткие детали какого-то помещения. Нет, это не было отражением или преломлением местной картинки, помещение было явно нездешнее.

– Эт-та... – ошеломлённо протянул Семён. – Эм-м...

– Портальное поле, – подсказал Богдан, наконец-то вернувшийся в этот мир из сумеречной зоны. – Будет стоять до конца Паузы. Так, сейчас берём...

Тут он, наконец, обратил внимание, что оба бойца свободно дышат и шевелятся.

– Господи, боже мой... Вы самоисцелились?! Это Чудо!!!

– Нет, не чудо, – первый боец кивнул на Семёна. – Бес нас вылечил.

– Да я просто глазам своим не верю... – ошеломлённо про-
бормотал Богдан. – Как ты это сделал?!

– Ну... Одному наступил на ногу... Посочувствовал... –
Семён и сам толком не мог объяснить, как именно он это
сделал. – Другому оплеух надавал... Эм-м... Слушай, может,
нам пора уже сваливать?

Он многозначительно тряхнул часами и кивнул в сторону
портального поля.

– Да-да, конечно! – спохватился Богдан. – Надо быст-
рее убираться отсюда. Полминутки подождите, надо прове-
рить работоспособность системы, а заодно наших предупре-
дить...

* * *

Впервые в жизни Богдан пользовался порталом. Он пол-
жизни готовился к этому событию, ожидал, что сейчас ему
будет ниспослано некое божественное откровение, но...

Переход был совершенно безболезненным и не сопровож-
дался какими-либо особыми ощущениями.

«Считай, что это дверной проём между двумя комната-
ми, – вот так это объяснял Мастер Пути в процессе обуче-
ния. – Вопрос только в том, что для перехода в другую ком-
нату сначала нужно подобрать ключ и открыть дверь».

Мастер был прав: Богдан словно бы перешёл из одной комнаты в другую. Был момент, когда левая нога Богдана уже коснулась пола в порталной камере Убежища, а правая была ещё в тестовой камере. А эта камера, между тем, находилась почти в сотне километров от Убежища.

Эта вопиющая странность не вызвала ярких эмоций, только внутренний голос отметил: «А ничего себе шажок получился, под сотню кэ-мэ...»

Портальная камера в Убежище Ордена Равновесия была в два раза просторнее тестовой камеры, из которой Богдан сюда шагнул, имела ряд конструктивных отличий в пользу системы общей безопасности, и здесь была другая кладка – обычный красный кирпич начала двадцатого столетия.

Под купольным потолком, по кругу, располагались узкие бойницы, вытянутые по горизонтали, а широкий вход в камеру в настоящий момент перекрывала крупноячеистая решётка из толстого стального прута, способная выдержать удары боевого слона.

Разумеется, слону в этом помещении вряд ли удалось бы как следует развернуться, а сравнение взято из древней инструкции, которую Богдан читал ещё в детстве. Там были чётко определены требования к опускающейся решётке на входе в ПК (портальную камеру): «...способна выдержать удары боевого слона...».

Да, и ещё, в отличие от тестовой камеры, здесь было три порталных контура и резервная площадка для четвёртого,

что и определяло размеры помещения.

– Свои! – громогласно объявил Богдан, обнаружив в каждой бойнице по две пары насторожённых глаз и с десятков напряжённо застывших силуэтов в коридоре за решёткой.

В числе прочих за решёткой стоял наставник Богдана, Арсений: невысокий, сухощавый, коротко стриженный мужчина сорока пяти лет, с аскетическим узким лицом. На фоне могучих бойцов он казался подростком, но это было обманчивым впечатлением. В рукопашном бою наставник без проблем уложит любого опытного воина, а по части стрельбы ему и вовсе нет равных.

Арсений немедленно потребовал, чтобы Богдан зачитал пароль.

Богдан осмотрелся, посчитал людей и бегло выдал на Хаптаи (общеорденском) последовательность: несложную динамическую конструкцию из трёх фраз. В конструкции присутствовали имена старшего и двоих справа и слева от него, число встречающих, время суток и собственно пароль, кодовое слово, полученное при убытии на маршрут.

Это был стандартный тест на отсутствие враждебного волевого контроля. Его проходит каждый, кто имел хотя бы мимолётный контакт с воинами Элиты или подвергся их ментальным атакам.

Убедившись, что Богдан вполне своеволен и не пребывает под воздействием вражьих чар, Арсений спросил:

– Один справишься?

– Я не один, – Богдан загадочно улыбнулся и тотчас же шагнул в портал.

– Не понял? – Арсений в недоумении изогнул бровь. – Что это значит...

Но было уже поздно: воспитанник исчез в ультрамариновом «яичке».

* * *

Бойцы, прошедшие более получаса в парализованном состоянии, были не способны передвигаться самостоятельно. Ноги еле слушались их, а расхаживаться и разминаться было некогда. Богдан чувствовал, что до конца Паузы осталось совсем немного времени.

– Взяли! – воскликнул Богдан, и они с Семёном подхватили первого бойца под руки и потащили к portalу.

– Что, пойдём сразу втроём? – с опаской уточнил Семён.

Богдан чутко уловил в интонации спутника: «...да я и один боюсь туда лезть!», но, даже если отбросить в сторону эмоции, вопрос был вполне резонным.

– Нет, по одному. – Богдан обратился к бойцу: – Ваня, как упадёшь с той стороны, сразу отползай в сторону, не загораживай проход.

– Понял, – кивнул боец.

– Ваня, сгруппируйся, – скомандовал Богдан. – Семён, отпускай!

Семён отпустил руку, и Богдан втолкнул бойца в портал.

Про хождение через порталы парами, а тем более троицами нигде не упоминалось, и Мастер об этом тоже ни разу не говорил, как-то они упустили этот вопрос. И хотя прямых противопоказаний в документах не было, Мастер ведь не зря сравнил портал с дверным проёмом. Попробуйте пройти через дверной проём парой или даже втроём – без должной сноровки недолго и застрять. Так что Богдан решил не рисковать, а синяки у бойцов, растянувшихся на полу, заживут быстро.

Вслед за первым бойцом точно так же переправили второго, затем Богдан предупредил:

– Встреча будет жёсткой. Поэтому смотри там, повнимательнее. И я тебя прошу, не надо никакого юмора. Когда речь идёт о безопасности Ордена, наши Мастера юмора не понимают. Это понятно?

– О как... Может, мне тогда стоит... эм-м...

– Остаться здесь? Нет, это не самый простой способ самоубийства. Тогда сразу зарубись своим страшным мечом, по крайней мере, мучиться не придётся.

– А что значит «жёсткая встреча»? – Семён с тоской посмотрел на загадочно мерцавшее порталное поле.

– Семён, порталы абсолютно безопасны, – заверил Богдан. – «Жёсткая» – это без хлеба-соли, с глупыми вопросами и здоровой настороженностью. Но это не смертельно. Просто слушай внимательно, делай, что прикажут, не дури, и всё

будет нормально. Всё, хватит болтать, заходишь сразу после меня...

* * *

Как только Семён появился в порталной камере Убежища, за решёткой и в бойницах возникло движение, и раздались тревожные голоса:

– Внимание – чужой!

– Оружие! У него меч!

И тотчас же в бойницах показались стремена арбалетов, за которыми зловеще поблёскивали наконечники снаряжённых болтов.

Ещё два стремени просунулись через ячейки решётки, по обеим сторонам от Арсения.

– Тишина! – скомандовал Арсений. – Это и есть твой сюрприз?

– Точно, – подтвердил Богдан. – Меч он хотел в гаражах бросить, это я сказал прихватить для исследования. Так что, если не трудно, опустите арбалеты. А то мало ли...

– Кто такой, зачем привёл? – сурово спросил Арсений. – И потом, разве ты не сказал, что бойцов ударила *Сиукиэ* и они парализованы?

– Это Бес, он нас спас, – скороговоркой протараторил Богдан. – Буквально вырвал из лап еретиков. И воинов он исцелил.

– Не многовато ли благодарений для одного смертного?

На «Беса» Арсений почему-то не отреагировал. Может быть, не понял, какого именно беса Богдан имел в виду.

– Так получилось, – не стал спорить Богдан. – А теперь...

– Как-то очень странно и очень кстати получилось, не находишь? – не унимался Арсений. – А исцеление в полевых условиях... Это вообще что-то запредельное. Или у нас где-то во внешнем мире есть Аппарат, про который я не знаю?

– Нет, Бес излечил их наложением рук, – Богдан решительно шагнул к portalу. – А теперь, если нет возражений, мне нужно забрать камни.

– Стоять! – рывкнул Арсений. – Сначала всё выясним, потом пойдёшь за камнями.

– Потом Пауза кончится, – напомнил Богдан. – А за камни Мастер меня четвертует. И кстати, ты не забыл, что за нами гонятся еретики? Или ты хочешь увидеть здесь дюжину эмпатов? Тогда арбалеты вряд ли помогут.

– Ладно, иди, – проворчал Арсений. – Только быстро, одна нога здесь, другая там. Если ты не вернёшься, мы убьём твоего друга.

– Спасибо, наставник, это мне здорово поможет, – Богдан горько усмехнулся. – Я, между прочим, сейчас буду совершать маленький подвиг. Кто-нибудь из вас пробовал гулять через угасающий портал?

Вопрос был риторическим. Из тех, кто сейчас находился за стенами камеры, никто никогда не пользовался портала-

ми. Потому что до первой Паузы порталы были всего лишь легендой из древних манускриптов и частью академического курса подготовки Учёных.

– Я так и думал, – Богдан был вполне удовлетворён всеобщим молчанием. – Не троньте Беса, он нам пригодится. Всё, пошел я...

* * *

Портал представляет собой триединую сущность: два контура, на входе и выходе, две конструкции из порталных камней с абсолютно идентичными координатами. *Третья составляющая – связь конструкции с Лабиринтом, и это отдельная история, для которой пока что не пришло время.*

Чтобы погасить порталное поле, не обязательно возвращаться в тестовую камеру. Достаточно сбросить координаты (изменить позицию) любого камня в камере Убежища.

Но Богдан желал лично проверить, как работает на практике теория Механики Резонанса, которую он полжизни изучал под руководством Мастеров. Да и в самом деле жаль было оставлять камни еретикам.

Кроме того, Мастер Пути наверняка одобрит спасение камней и смелый эксперимент. Мелочь, а приятно.

На этот раз Богдан был в тестовой камере один, и это здорово нервировало.

Когда у входа стоял увалень Семён со своим страшным

мечом, на душе было спокойно и ничто не мешало сосредоточиться на проблеме.

Понятно, что один необученный и неуклюжий здоровяк, пусть даже насквозь неуязвимый для ментальных атак, – скверная защита против волкодавов Элиты, коль скоро им удалось бы сюда ворваться.

Но почему-то в присутствии Семёна Богдан чувствовал себя так спокойно и уверенно, словно был под защитой целого отряда лучших воинов Ордена. Чувство иррациональное, подлежащее всестороннему исследованию и обусловленное, скорее всего, тем, что Семён – реальный Бес, реликт ушедшей эпохи, который ещё вчера воспринимался Богданом не иначе как параграф в академической статистике Ордена. В общем, чувство странное, возможно, даже опасное из-за самоуспокоенности и иллюзии защиты, в то время как на самом деле никакой защиты нет... Но, как ни крути, чувство приятное и для работы очень полезное.

Сейчас, например, Богдан всё время оглядывался на выход и вздрагивал от каждого фантомного шороха, доносящегося из тоннеля. Казалось ему, что по тоннелю крадутся враги, которые в любой момент могут ворваться в камеру.

Осторожно ослабив держатели (до последнего момента камни не должны сдвинуться ни на миллиметр), Богдан уложил свою сумку на каменную полку под проектором и до максимума расширил горловину. Будет обидно, если хотя бы один камень упадёт на пол. На подбор не будет ни единой

секунды.

Затем Богдан вхолостую пробежал последовательность сброса: поочерёдно потрогал рукояти всех кронштейнов, изобразил сгребание камней в сумку и сделал три шага к portalу.

Тут возникла мысль, что шлёпанцы мешают, и в решающий момент есть вероятность оступиться или подвернуть ногу. Раньше Богдан даже не вспоминал о своих сандалетах, и, разумеется, никак они не мешали... Но сейчас он решительно снял их и бросил в портал.

То-то публика в камере Убежища удивится: сандалии прибыли, а хозяина нет – наверное, мимо проскочил, в другой План. Хе-хе...

Подавив нервный смешок, Богдан встал перед проектором, глубоко вздохнул и сконцентрировался.

Портальное поле рождается в течение десяти секунд. И умирает примерно за такое же время. Богдан почему-то думал о поле как о живом существе, хотя в манускриптах по этому поводу ничего не было сказано.

За десяток секунд можно успеть сбросить позиции пяти кронштейнов (камни упадут сами), сгрести камни в сумку и нырнуть в умирающий портал.

Не успеешь – останешься в тестовой камере. Как только кончится Пауза, сюда ворвутся еретики. Далее по смыслу.

Ради чего Богдан это делает?

Ради себя любимого. Не зря же Мастер Пути готовил его

как своего преемника. В системе обучения дисциплинам МР (Механики Резонанса) нет практикумов и экзаменов на мастерство. Причины очевидны: все дисциплины МР до сегодняшнего дня были сугубо академическими.

Практика, как критерий истинности знаний, стала возможной только сегодня, когда грянула первая Пауза.

Так вот, сейчас это будет такой маленький экзамен, тест на мастерство, и вообще, на профпригодность. Экзамен, в первую очередь, перед самим собой.

Богдан многократно тренировал эвакуацию в сходных условиях (вводная № 23: враги в любую минуту могут ворваться в порталную камеру, задача – сбросить координаты, забрать камни, нырнуть в угасающий портал), так что, если сейчас что-то не заладится, значит, так ему и надо, плохо учился, такой неумеха Ордену не нужен.

Богдан начал медленный выдох и приступил к эвакуации:

- секунда на поворот каждой рукояти кронштейна;
- две секунды – сгрести упавшие камни в сумку;
- рывок к отключённому от системы portalу, который на глазах превращался из яркого ультрамаринового «яичка» в бесцветный мыльный пузырь.

Всё было сделано буквально за один выдох.

Вдохнул Богдан уже в порталной камере Убежища.

Он успел сделать два шага к решётке, и портал за его спиной исчез.

В камере сразу стало темно, полированное ложе портала

пускало блики, отражая колеблющийся свет масляных ламп, висящих на стене.

– Получилось? – с интересом спросил Семён.

Богдан молча раскрыл сумку и показал камни.

Он был всё ещё под впечатлением своего «экзамена», не нужного, пожалуй, никому, кроме него самого, и не мог сейчас говорить, потому что боялся разрыдаться от хлещущих через край эмоций.

Нужно немного успокоиться, а то получится совершенно детская сцена на глазах у всего братства.

– А тапки зачем бросил? – спросил Семён. – Мы уж думали, что-то случилось, когда тапки прилетели. Я хотел за тобой прыгнуть, да старший не пустил.

Тут под потолком камеры зажглись электрические плафоны, забранные в решётчатые кожухи.

Пауза кончилась.

– Ну, ты миллиметровщик, – с уважением заметил Арсений. – Впритирку всё сделал...

* * *

За то недолгое время, что Богдан отсутствовал, его наставник успел переговорить с исцелёнными бойцами и Семёном и получить ответы на ряд животрепещущих вопросов. Кроме того, Семён уже был без меча: очевидно, сдал свою страшную железяку по требованию Арсения.

Как только зажётся свет, стремена арбалетов в бойницах и в ячейках решётки уступили место привычным стволам автоматов.

Стрелять в Семёна никто не собирался, насторожённость пошла на убыль, а стволы в бойницах – это непреложная составляющая «гостевого протокола», пока не будет принято окончательное решение о статусе чужака.

Итак, Арсений получил ответы на все вопросы и на несколько секунд ушёл в аут.

Под сводами Убежища стояла тишина, все молча ждали решения.

Наставник явно был в растерянности, он не знал, что делать с неожиданным гостем, и, похоже, лихорадочно соображал, как выпутаться из непростой ситуации. Выгнать уже не получится, портал не работает. Убивать пока вроде бы не за что. По логике, нужно принимать с почестями и награждать за спасение Богдана и бойцов, но...

Это же ведь Бес.

Бес в Убежище Ордена – это чрезвычайная ситуация. Придётся, очевидно, беспокоить Командора.

– Ну что, нам тут на ночёвку устраиваться или как? – уныло спросил Богдан, успевший справиться с эйфорией и разочарованный такой «тёплой» встречей.

– Нет, я не могу взять на себя такую ответственность, – решил, наконец, Арсений. – Стоять смирно, пойду доложу Командору.

Пока Арсений гулял до поста связи, Богдан с Семёном помогли бойцам перебраться к решётке. Те всё ещё не могли отойти от ментального удара, еле двигались на негнувшихся ногах.

Братья за решёткой этому не препятствовали, хотя и была команда «стоять смирно». Тут ведь ещё разобраться надо, кому «смирно» – тем, кто в камере, или за её пределами.

Однако заговорить с Богданом и бойцами никто не пытался. Всем не терпелось узнать подробнее о приключениях лихой троицы, но здорово стесняло присутствие чужака, которого Богдан представил как Беса.

Потому что реальные Бесы – при всех заслугах и способностях – это особые существа, у которых непростая история и неоднозначные отношения с Орденом.

Через пару минут вернулся Арсений и сообщил решение: – Кандалы гостю! Идём к Командору...

* * *

Оказалось, что про кандалы – это вовсе не шутка.

Кандалы были двойные: ручные и ножные, соединённые одной цепью, пропущенной через проушины на оковах.

Обошлось без боевых воплей и резких движений, однако такой «тёплый приём» никому не понравился. Ни Семёну, ни Богдану, ни даже самому Арсению, который просто выполнял требования протокола.

– А смирительной рубашки у вас нету? – поинтересовался Семён, безропотно позволяя надень на себя оковы.

– Мы благодарны тебе за всё, что ты для нас сделал, – смущённо сказал Арсений. – Однако прошу понять правильно: ты чужак, и ты сейчас идёшь к Командору.

– Это, типа, самый главный у вас?

– Глава региональной Гильдии, – краснея от неловкости, подсказал Богдан. – Да, выглядит всё... Гхм... Не очень выглядит... Но, в самом деле, ты должен понимать...

– И, кроме того, ты ведь Бес, – добавил Арсений. – Когда ты всё узнаешь, ты поймёшь, что по-другому просто нельзя. На моём месте ты поступил бы точно так же.

– Интересно, а чем вам так насолили эти Бесы, что их надо обязательно в кандалы упаковывать?

Богдан с Арсением переглянулись.

Арсений неуверенно пожал плечами.

Богдан уверенно помотал головой.

«Нет», «не стоит», «не сейчас» – вот один из вариантов, который углядел Семён в этом жесте.

– Там... немного наоборот было, – счёл нужным пояснить Арсений. – Получилось так, что Орден нехорошо поступил с Бесами.

– «Нехорошо» – это как? – насторожился Семён.

Двое бойцов, заковычавших Семёна в кандалы, почему-то втянули головы в плечи и ускорились, стали быстрее вытягивать цепь и застёгивать железяки.

– История давняя и долгая, – уклонился от ответа Арсений. – Из ныне живущих к ней никто не причастен. В общем, если всё будет нормально, потом тебе расскажут.

– А если ненормально?

– Да всё будет нормально! – с наигранным оптимизмом успокоил Богдан. – Сейчас пообщаешься с Командором, и сразу все вопросы отпадут.

– Нью-нью... – уныло протянул Семён. – Обидно будет, если придётся отвечать за чьи-то косяки.

– Не придётся, – заверил Богдан. – Я пойду с тобой, расскажу всё как было.

* * *

На randevу к Командору отправились всемером.

Помимо Арсения и Богдана, гостя сопровождали четверо атлетически сложенных бойцов с насторожёнными взглядами.

Все присутствующие, за исключением тех, кто прибыл через портал, были облачены в свободные серые балахоны с капюшонами, так что атлетичность явным образом не просматривалась. Но по мощным шеям и широким плечам можно было догадаться, что это тренированные воины.

Кандалы, внушительный конвой, странное поведение встречающей стороны...

Похоже, у Ордена в самом деле непростые отношения с

этими Бесами, к числу которых упорно относят Семёна его новые знакомые.

По итогам сегодняшних событий у Семёна сложилась простенькая рабочая гипотеза: скорее всего, эти Бесы серьёзно набедокурили в фирменном состоянии боевого транспорта. Возможно, своих порубали или выкинули ещё что-то в том же духе, поэтому их и прогнали из Ордена.

С точки зрения логики человеческого общежития эта версия всё объясняла: мало кто будет терпеть в своём доме склонного к буйству собрата, пусть он хоть трижды герой и крайне полезен в бою.

А если так, то Семёну опасаться нечего. Он пока что не убил никого из «своих» и, как верно заметил Богдан, буквально вырвал незадачливую троицу из вражьих лап.

Закованного в кандалы Семёна некоторое время выгуливали по нешироким тоннелям со сводчатыми потолками и старой кирпичной кладкой. Судя по линейной конфигурации маршрута, особого умысла «запутать, чтобы не запомнил дорогу», у сопровождающих не было, просто подземное «хозяйство» имело внушительные размеры.

Тоннели освещались тусклыми электрическими плафонами, но на всём протяжении маршрута можно было видеть на стенках факельные держатели и крюки для масляных ламп, а кое-где эти лампы уже висели и даже пахли – по-видимому, потушили их совсем недавно.

Перекрёстки тоннелей были выполнены в форме круглых

камер с купольным потолком, под которым, так же как и в порталной камере, зияли узкие бойницы.

Кое-где в коридорах встречались полукруглые ниши, а рядом с ними узкие стенки по грудь, как будто укрытия для стрелков.

Судя по всему, Орден не исключал вероятность военного вторжения и был готов принять бой на внутренней территории Убежища.

Наконец, добрались до лифтовой площадки.

Здесь был уже привычный купольный потолок с бойницами и дублирующий механизм подъёмника: нехитрая система шестерней и ручной ворот со стопором.

– Интересно, – профессионально оценил конструкцию Семён. – А вот если нет электричества и нам всей толпой надо наверх, кто будет крутить?

– Разделимся, половина поедет, половина будет крутить, – пояснил Арсений.

– А вторая половина навечно останется внизу?

– Наверху ещё один ворот, – пояснил Арсений. – Первая половина будет крутить, вторая поднимется.

– Молодцы, – похвалил Семён. – Хорошо придумали.

– Спасибо. – Арсений ткнул пальцем вверх. – Будем перемещаться поверху, поэтому придётся завязать тебе глаза. Не принимай это как знак недоверия, просто таковы правила.

– Да я уже освоился, – кивнул Семён. – Кандалы, мешок на голову – это так стильно. Может, вы меня ещё и понесёте?

А то вдруг ненароком наступлю куда не надо.

– Мы благодарны тебе за всё, что... – затянул было свою привычную песню Арсений.

– Да-да, я понял, таковы правила, – бесцеремонно оборвал его Семён. – Где мешок?

С мешком не заладилось, специально ведь никто задачу не ставил, так что обошлись подручными средствами. Причём средства были отняты у самого же Семёна.

Арсений выдернул из джинсов гостя ремень и забрал у него носовой платок. Примеряя, затянул ремень на голове Семёна, неуловимым движением извлёк откуда-то из складок балахона небольшой трёхгранный стилет и проколол в ремне лишнюю дырку. Затем свернул платок по всей длине вчетверо, приложил к глазам Семёна и туго затянул ремнём.

Получилось, пожалуй, надёжнее, чем с мешком или шарфиком: ремень давил на глаза и нос, и Семёну был явлен полноценный мрак с вкраплениями красного.

– Давит, – пожаловался Семён. – Так недолго и без глаз остаться.

– Потерпи немного, – успокоил Арсений. – Две минуты – и мы на месте.

Как только лифт стал подниматься, где-то наверху тяжело и величаво ударил колокол.

– Мы в монастыре? – обрадовался Семён. – Рясы эти ваши, колокол... Угадал?

– А по какому поводу радость? – насторожился Арсений.

– Ну как же... Честно говоря, я думал, тут у вас... Гхм...

– Что?

– Ну, всякое такое...

– Какое?!

– Ну, думал, что вы террористы.

– Интересная мысль...

– Да теперь понятно, что был не прав. А «монах ребёнка не обидит», верно? Монахи – славные ребята. «Имя Розы», честь, устав, обеты и всё такое прочее...

– Ты хорошо знаешь средневековую историю?

– Да я её вообще не знаю, если честно.

– Откуда тогда такие выводы?

– Я много фильмов смотрел.

– А про инквизицию что-нибудь знаешь?

– Эм-м... Ну, в общем... Жгли там кого-то...

– Ты в курсе, какую роль играли монастыри во времена инквизиции в охоте на ведьм и... гхм... в изгнании бесов? Бесов – с маленькой буквы...

– Не понял... Это угроза или предупреждение?

– Это чтобы не было неуместной эйфории. Чтобы объективно оценивал ситуацию. И чтобы не ляпнул что-нибудь лишнее в разговоре с Командором.

– Понял, спасибо за предупреждение...

Семён полагал, что у Командора будет громадный кабинет с камином и персидским ковром, а на подступах, в приёмной — непременно секретарша с точёной фигурой и всякими выдающимися выпуклостями. А может, даже парочка секретарш, хорошего ведь много не бывает. И ещё полагал, что двумя минутами уж никак не обойдётся, придётся битый час торчать в приёмной и ждать своей очереди в сонме просителей, закономерно осаждающих вельможу такого ранга.

Увы, местный Командор беспощадно рвал шаблоны, причём не только по протокольной части, но и в целом ряде обиходных деталей.

Когда Семёна избавили от давящей конструкции «ремень-платок», он проморгался, осмотрелся и обнаружил себя в монастырской библиотеке.

Обстановка здесь была очень скромная и незатейливая. Никаких шкафов красного дерева и хрустальных люстр, повсюду полки и стеллажи из неокрашенной тёсаной доски, столы, табуреты и скамьи из той же доски, сиротские плафоны под сводчатыми белёными потолками и несколько бронзовых канделябров с оплывшими свечами.

Книг было очень много, старинных и не очень, но это изобилие Семёна не впечатлило, в отличие от Богдана, у которого взгляд сразу затуманился, а лицо приняло благостное

выражение. Семён не испытывал пиетета к книгам, у него была иная шкала ценностей.

Узкие вытянутые окна, более похожие на бойницы, выходили на лес, так что какие-либо перспективы по определению месторасположения монастыря отсутствовали напрочь. В эти окна были видны только едва колыхающиеся на ветру верхушки сосен, и ничего более.

По обе стороны от последнего слева окна стояли две солдатские кровати, аккуратно, по-солдатски, заправленные серыми одеялами с текстурой валенка, между ними была втиснута солдатская же тумбочка с инвентарным номером, на которой стоял пожилой электрический чайник, сахарница и два стакана в стальных подстаканниках.

«Общага, да и только», – подумал Семён.

Из предметов роскоши в библиотеке были только три раскрытых ноутбука. Два из них располагались на огромном письменном столе, за которым работал секретарь, а один – на столе поменьше, напротив кроватей.

Да, про аккуратную заправку кроватей можно было судить лишь отчасти, поскольку на той, что стояла в самом углу, у стены, возлежал Командор, облачённый в затрапезные шорты и майку, и смотрел по ноутбуку какое-то кино.

Когда ввалился Семён с эскортом (или эскорт с Семёном – это уж как пожелаете), Командор цепким взглядом ощупал гостя с головы до ног, встал, поставил кино на паузу и с явным неудовольствием в голосе приказал:

– Рассказывай.

Ни «здравствуйте», ни «так вот ты какой, Бес!» – ни даже простого человеческого любопытства по факту присутствия необычного гостя: приказ был адресован Богдану, а в тоне явно слышалось «какого чёрта вы приволокли сюда этого типа и теперь отвлекаете меня от субботнего отдыха?!».

Богдан принялся в деталях рассказывать о своих злоключениях, с того момента, когда его «повела» зеленоглазая еретичка.

Командор молча слушал, разгуливая вдоль стены, задумчиво смотрел в окна, а в сторону Семёна даже ни разу не взглянул.

Семён, между тем, рассматривал Командора и его секретаря и пытался угадать, чем закончится для него эта встреча.

Командор был высокий, сухой и жилистый, коротко стрижен, на вид лет пятьдесят пять – шестьдесят, лицо аскетическое, узкое и сердитое, глаза водянистые и тоже какие-то недобрые. В этом плане они с Арсением были очень похожи, и Семён сделал вывод, что руководство Ордена ведёт спартанский образ жизни, изнуряет себя непосильным трудом и постоянно пребывает в великих заботах.

То есть люди настолько заняты, что даже растолстеть некогда.

На левом плече у Командора была бледная татуировка, изображавшая мангуста, вцепившегося в капюшон королевской кобры. Нет, даже не татуировка, а каким-то особым об-

разом выдавленное на коже клеймо. Всё плечо под мангу-стом с коброй, предплечье и та часть левой половины груди, что не была скрыта майкой, были изборождены страшными рублеными шрамами.

Секретарь Командора, напротив, был этаким низкорослым колобком. Он был облачён в такую же рясу-балахон, что носили все прочие обитатели монастыря, стрижен почти что налысо, на вид лет тридцать, а на круглом бледном лице надёжно застряло выражение великой озабоченности.

Стол, за которым сидел секретарь, был завален исписанными листками бумаги и тетрадями. Секретарь бодро стро-чил шариковой ручкой в толстой тетради, глядя поочерёдно на экраны двух ноутбуков, и создавалось такое впечатление, что это не обычная работа по переписыванию компьютерно-го текста на бумагу, а состязание с кем-то на скорость пись-ма.

В библиотеке было душно, секретарь явно потел в своём балахоне, но, в отличие от вольготно разоблачившегося Ко-мандора, снимать одежду не спешил.

«Субординация, однако, – подумал Семён. – А Командор, похоже, ещё тот самодур. Надо бы с ним поосторожнее».

* * *

Богдан закончил рассказ, и Командор некоторое время молча гулял вдоль окон, осмысливая услышанное.

В библиотеке воцарилась тишина, было слышно, как скрипит ручка секретаря по бумаге.

Следуя киношным шаблонам, Семён полагал, что после рассказа Богдана Командор немедля прикажет снять с него кандалы и душевно поблагодарит за подвиг в гаражах и исцеление бойцов в портальной камере.

– Заковали надёжно? – уточнил Командор.

Голос у Командора был хрипловатый и низкий, говорил он тихо и как бы нехотя, словно ему было лень открывать рот.

– Надёжно, – подтвердил Арсений. – Вряд ли вырвется даже в состоянии ража.

– А ты видел, каков он в состоянии ража? – Командор, и без того вполне сердитый, сурово нахмурился.

– Не видел, – смущённо признался Арсений.

– То-то и оно... – проворчал Командор. – Кой чёрт понёс тебя в эти гаражи?

У Командора была привычка задавать вопросы в странство, не глядя на человека, к которому он обращался.

– Я почувствовал, что там будет наше спасение, – ответил Богдан.

Арсений недовольно покачал головой: ему не понравилось такое легкомысленное и нерациональное объяснение поступка воспитанника.

Командор, однако, такой ответ принял как должное:

– Наподобие того, как ты чувствуешь приближение Паузы

и сбои в расположении камней?

– Вы и про сбои знаете?!

– Отвечай.

Богдан хотел было добавить, что помимо всего прочего он чувствует в Паузе присутствие зеленоглазой *Сицукэ*, но не стал. Нужно сначала разобраться во всех этих странностях Пауз и посоветоваться с Мастерами, а потом уже докладывать Командору. Командор и без того настороженно относится к необычным способностям Богдана, так что не стоит усугублять ситуацию.

Кроме того, у Богдана были и другие основания, чтобы пока умолчать об этой новой особенности. Эти основания он собирался обсудить с Командором отдельно.

– Не совсем так, но... Гхм...

– Расскажи, как это было.

– Я чувствовал, что нам конец. ОНА гнала меня, как опытный охотник загоняет зайца в силки. Вариантов не было, я чувствовал, что ещё немного, и...

– Я задал простой вопрос. КАК ЭТО БЫЛО?!

– Как всплеск. Как... Как вспышка где-то на границе сумеречной зоны. Если пользоваться современной терминологией – как пульсирующая красная точка на радаре.

– Занятно... А если бы ОН спокойно прошёл мимо и не вмешался?

– Но он же не прошёл.

– Верно. Ты, малыш, пугаешь меня своей чувствительно-

стью. С одной стороны, это очень полезное свойство. С другой...

– А по-моему, со всех сторон отличное свойство, – вмешался Семён, решив напомнить о своей спасительной миссии. – Если бы не это свойство, они бы просто умерли.

Арсений сделал страшные глаза: «Молчать!!!», но Командор пропустил мимо ушей замечание гостя и закончил свою мысль:

– Это очень странное и неизученное свойство, надо относиться к нему с опаской. Но, судя по тому, что ты рассказал, мы в самом деле имеем дело с Бесом. Ещё по нему что-то есть?

– У него отец погиб. При странных обстоятельствах.

– Это он сам с тобой разоткровенничался?

– Нет, я предположил... А он подтвердил.

– Интересно... Когда погиб и что за обстоятельства?

– Пятнадцать лет назад, – сообщил Семён. – Обстоятельства... Ну, в общем, убили всю его семью, а ему самому отрубили голову. Следствию ничего выяснить не удалось.

– «Его семью»?

– Я внебрачный сын, – засмутился Семён. – Отец жил на две семьи. Ну, как бы это сказать... В общем, та была основная, а с моей матерью у него была любовь. В общем, тайная вторая семья, типа так.

– Это было в Москве?

– Да.

– Теперь понятно, почему бесёнок выжил, – кивнул Командор. – А то я уж подумал, что за странное такое милосердие? Итак, семью вырезали, голову отрубили... Знакомый почерк. У тебя фамилия матери?

– Да.

– ФИО отца знаешь?

– Виктор Иванович Богуславский. Тысяча девятьсот пятидесятого года рождения.

– А про деда по линии отца?

– Нет, про деда ничего не знаю. Как-то забыли познакомиться. Наверно, недосуг было.

– Ясно. Так, Вовчик, дай-ка сюда Книгу Памяти.

– Всю Книгу?! – Секретарь подскочил с растерянным видом и принялся сгребать к себе по столу исписанные листки.

– Зачем «всю»?! Данные по Ушедшим Бесам в нашем регионе. И оставь в покое свои листки, просто открой мне файл.

– Понял...

Книга Памяти – это поимённый список погибших и пропавших без вести воинов Ордена. Каждое Убежище (территориальное подразделение) ведёт свой отдельный список, Гильдия (региональное объединение) суммирует эти списки и заносит в компьютер все данные, которые затем передаются во Всеобщий Совет Ордена.

«Вся Книга», как всполошённо воскликнул секретарь Володя, – это данные по потерям Ордена в мировом масштабе

за последние двенадцать тысяч лет.

В связи с отказом аппаратуры во время Пауз и в перспективе отказа аппаратуры вообще сейчас во всех Убежищах и в штаб-квартирах Гильдий идёт перепись учётных данных с компьютеров на бумагу. Секретарь Володя, кстати, как раз сейчас переписывает Книгу Памяти Московского подразделения. Потому что он, по совместительству, является одновременно и секретарём этого подразделения.

Дело в том: прежний секретарь Командора совсем недавно пал от рук еретиков, и Володя сейчас исполняет сразу две должности.

В Книге Памяти есть данные и о родителях Богдана. Они погибли в бою с еретиками, когда он был ещё ребёнком. С тех пор его воспитывал Арсений, друг семьи, который позже стал главой Московского подразделения Ордена.

Вот такая это Книга Памяти.

Теперь о Бесах в книге Памяти.

Бесы покинули Орден в начале двадцатого столетия после печально известной Мёртвой Охоты. Эта пресловутая Охота заслуживает отдельной трилогии, но сейчас нет времени для длительных экскурсов в Историю Ордена, и пока что нам достаточно знать, что все убывшие Бесы были занесены в Книгу Памяти как пропавшие без вести.

В числе Бесов, занесённых в Книгу Памяти, обнаружился Андрей Савельевич Богуславский, тысяча восемьсот девяносто первого года рождения.

Володя быстро поднял общедоступную городскую статистику, и выяснилось, что у этого Андрея были сыновья Иван и Матвей и дочка Лида. Матвей и Лида погибли в Великую Отечественную, а Иван выжил, женился и произвёл на свет сына Виктора, который и является отцом Семёна.

– Значит, точно – бесёнок, – без эмоций резюмировал Командор. – Говоришь, на атаки эмпатов не реагирует?

– Реагирует, но в другую сторону, – поправил Богдан. – Впадает в состояние ража и крушит всё, что под руку подвернётся.

– Тебя-то не сокрушил, – напомнил Семён. – И бойцов тоже. То есть не совсем ведь дурак, чувствую, где свой, а где враг.

– С абсолютной уверенностью подтвердить не могу, – принципиально отметил Богдан. – Да, передо мной он оставался. Но это получилось в тот момент, когда вокруг уже не было ни одного живого врага. То есть вполне может быть так, что в отсутствие целей раж самопроизвольно ушёл в аут.

– А на доминирование реагирует? – спросил Командор.

– Вот это сказать не могу, – Богдан покачал головой. – Я был под давлением, очнулся, когда меня «отпустили». То есть я видел уже собственно резню, а что было до этого, не знаю.

– Доминирование – это как? – уточнил Семён. – Типа, «дама сверху»?

– По-простонародному – это чары, – пояснил Богдан. – Зе-

леноглазая тебе сразу врезала или сначала попробовала очаровать?

– Да, похоже, что попробовала, – вспомнил Семён. – То есть иду я, смотрю на неё, и как-то она мне не приглянулась. Не мой размер. И вдруг – оп-па! И сразу она мне стала нравиться, чуть ли не влюбился.

– Приказ был? – уточнил Командор.

– Да, был. «Иди прямо, не смотри налево».

– Ну и как?

– Да никак. Иду, смотрю налево: а там бойцы парализованные. Я ей – надо «Скорую»! А она, типа, «какой вредный смерд», и – шарах! Волна такая. Ну, сразу и накатило, и по-неслось. Меч, ура, в атаку.

– Ясно, – кивнул Командор. – И зачем ты его сюда притащил?

– Богдан сказал: «Давай возьмём, надо этот меч исследовать», – не понял вопроса Семён.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.